

ХРОНОЛОГИЯ ВОЙНЫ.

ПЯТНАДЦАТЫЙ МЕСЯЦЪ.

(См. № 43 «Нивы» 1915 г.)
Сентябрь.

15-го. Отбита немецкая атака в районе г. Эмму. Западные Вилейки упорный бой. Напряженные бои восточнее Ошмян до района Припяти.

16-го. Нами отражено наступление немцев в районе Вилейки. Атаки противника южнее Припяти и на гатчинском фронте. Столкновения на переправах через р. Стырь.

17-го. Непрерывная канонада под Двинском. Немцы отбили нас на правый берег Стыри. Мы овладели неприятельскими окопами в районе с. Купчице (западнее Тарнополя).

18-го. В рижском районе немцы, пытавшиеся укрепиться в районе Кеммерна, отбиты. Удачный для нас бой ниже Сморгони. Неудачное наступление противника в северо-западном районе Тарнополя.

19-го. Неудачная атака немцев на средней Стыри (в районе д. Оборки). Нами взяты пленные и трофеи во время нашего нападения на неприятеля восточнее Новогрудка (нижний Серет). На рижском фронте немцы захватили несколько наших окопов в районе Греневы.

20-го. Восточнее Свинтея наша кавалерия отбита немцами и заняла с. Поставы. Осложнения с Болгарией.

21-го. Болгария вручила русским ультиматум. Отбито наступление немцев под Двинском. Переправившиеся у Любча через Неман немцы отброшены снова на левый берег.

22-го. Неудовлетворительный ответ Болгарии на русский ультиматум. На Стыри наши войска переправлялись у Подонно и выбили противника из д. Цивны.

23-го. Развитие дипломатических сношений между Россией и Болгарией. Удачная для нас стычка в районе Бирсальчи и Дамбень-Дрисвяты.

24-го. Юго-западнее Чарторийска противник отброшен к д. Новоселки. Нами взяты пленные и пулеметы.

25-го. К югу от Сморгони наши войска почти успех, заняли часть позиций противника, взяли оружие, патроны и пр.

26-го. Наши суда привели к молчаливо неприятельским батареям в районе Илюка (рижский фронт). Нами взяты пленные между Дубно и Луцком, а также на р. Немн.

27-го. Наши артиллерия обстреливала станцию в Чернидахе. Брошены бомбы во восточные поля.

28-го. У Новоселки (р. Стырь) противник переправился на правый берег Стыри. Успехи нашей конницы в Буковин. Захвачены пленные.

29-го. Аэропланы типа «Лия Муромца» сбрасывали до 75-ти бомб в Вильгельм и Тавармалы. Успешные для нас бои в двинском районе. Немцы выбиты и бежали из д. Гарбуновки.

30-го. Упорные бои в двинском районе. Мы имели успехи севернее д. Дрисвяты. Отбиты атаки неприятеля в районе Ошмянского каньона. Успехи наших войск в Галиции (в районе Галичонки). Удачная переправа через р. Стырь.

Октябрь.

1-го. Бои атаки противника в двинском районе отбиты. В Галиции продолжается успешная для нас бой у Галлоромы.

2-го. На динском фронте повсеместный ожесточенный бой.

3-го. На Припяти, в районе с. Нобель, противник отброшен из реки. Западные Гремблии противник отброшен к Стрижи.

4-го. Переправившиеся через р. Эмму немцы отброшены обратно. Неприятель отбит и на Стыри.

5-го. Россия объявила войну Болгарии. На динском фронте, у д. Усть, нами прорвано расположение противника.

6-го. Немцы выбиты из позиций между озером Деммент и Дрисвяты. Крупный успех наших войск на средней Стыри. Взято много пленных.

7-го. Нами взяты позиции немцев в районе Баршовец. «Лия Муромца» бомбардировали Митаву и другие населенные пункты. У Новоселки на Стыри противник отброшен из бродов.

8-го. На левом берегу Стыри мы преследуем отходящего в безоружный противника.

9-го и 10-го. Наши успехи на северном и западном фронте. Мы продвинулись к западу южнее озера Ботиньского.

11-го. Наше десант у м. Доминское разбил германский отряд. Захвачены пленные.

12-го. Отбиты атаки германцев западнее Илукса, но неприятель занял Илукса, понесая тяжелые потери.

13-го. На Стыри, западнее Чарторийска, нами выто боты. Наши пленные. В Баттиском морф русские подводные лодки потопили германский пароход «Герда» с грузом руды.

14-го. На левом берегу Стыри наши войска ворвались в д. Булку, захватив пулеметы и пленных.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ МЕСЯЦЪ.

15-го. Атаки немцев западнее Искюля отбиты. К юго-западу от Оляки мы продвинулись вперед.

24-го. Под Ригой наши войска продвинулись к западу от оз. Аккель. Под Двинском блестяще отбита атака немцев.

25-го. Контр-атаки немцев южнее оз. Свинтея. Западные Риги нами отбиты немцами атак.

26-го. Удачное нападение наших войск на германцев у Оля (рижский фронт). Отбита атака неприятеля на левом берегу Стыри, в районе д. Мелдалье.

27-го. Нами занят район Франгендорфа и Павассерна на левом берегу р. Ав. Восточнее бой близ оз. Свинтея. Мы овладели несколькими рядами позиций у д. Гута Лисовская.

28-го. Нами занят район к востоку от Кеммерна. Неудачная попытка неприятеля перейти к наступлению в район Комарова. Английская подводная лодка потопила в Баттиском морф немецкий крейсер «Эндина».

29-го. Наши войска закрепились близ Кеммерна. Нами прорвано расположение противника к юго-востоку от д. Будки.

30-го. В районе Искюля мы овладели мысой Берземонде. Упорный бой около д. Костюховки.

31-го. В плохом районе мы с боем продвинулись к западу от Гатаценя. Захвачены пленные и пулеметы.

Ноябрь.

1-го. Наши войска продвинулись к западу от Кеммерна.

2-го. Упорный бой северо-западнее Чарторийска. На кавказском фронте столкновения с курдами.

3-го. Немцы потеснены севернее оз. Канерг (рижский фронт). Им переправы на р. Стырь.

4-го. Продолжаются бои у переправы через р. Стырь.

5-го. Неудачная попытка немцев переправиться через Двино. Продолжаются бои у Чарторийска.

6-го. Остановлено наступление неприятеля на левом берегу Стыри (от Мелдалье на И. Подчервичи). Нами занят Чарторийск.

7-го. Неудачи немцев переправиться через Двино у Фридрихштадта.

8-го. Немцы отступили в район Попельскаго ж. д. дор.

9-го. Противник потеснен в районе Пушары.

10-го. Нашими минометами потоплено близ Винавы германское сторожевое судно.

11-го. Удачная атака на средней Стыри у д. Козиничи. Противник бежал. Взяты пленные в ситражении.

12-го. Бои у Берземонде, окончившиеся в нашу пользу. К западу от оз. Канерг немцы вынуждены отойти назад.

13-го. На Стыри в районе Семковце наше удачное дело.

14-го. Неудачная попытка неприятеля продвинуться в район Опка и к северо-востоку от Бучача.

СЕМНАДЦАТЫЙ МЕСЯЦЪ.

15-го. Блестящий победный парад немцев в районе Инска. Удачное нападение на штаб 82-й германской дивизии.

16-го. Ожесточенная попытка немцев атаковать нас в районе р. Ал кур-линичей.

17-го. Наши войска овладели Илуксом.

18-го. Нашими войсками остановлено наступление противника к юго-западу от Инска.

19-го. Удачное дело против турок к югу от Висаго озера (Кавказ).

20-го. Успешный обстрел немецкого бункера у Зингенгофа (берег Двины).

21-го. Наступление неприятеля на левом берегу Стыри на с. Подчервичи, отбито нашими войсками после временного оставления Подчервичей.

22-го. Неудачная наступательная попытка немцев в динском районе близ Ишукво.

23-го и 24-го. Наша артиллерия остановила наступление противника на р. Стыри у д. Козиничи.

25-го. К северо-востоку от Бучача противник пытался продвинуться к востоку, но отброшен к д. Недава.

26-го. Отбиты попытки немцев переправиться через рукав р. Двины на остров южнее Искюля. Взяты немецкого аэростата в районе Мерцендорфа.

27-го. Удачная действия нашей артиллерии на рижском фронте.

28-го. В Перси между Тегерном и Хамадалом наши войска разбили германско-турецкий отряд (бунгующие персидские мандарины и вооруженные шайки). Противник бежал.

29-го. Отбито наступление на Стыри западнее Тарнополя. На Черном море, у о. Кефлена, наши минометы уничтожили две турецкие канонерки и большой парусник.

30-го. Мелкая часть неприятеля вошла наступление на Стыри в районе Мариана-Изефовка-Белая, но частью перебиты, частью взяты в плен.

Декабрь.

1-го, 2-го и 3-го. Успешная артиллерийская перестрелка в ямбиндском районе.

4-го. Наши потоплены в Баттиском морф крейсер «Бремен» и большой миномет. В Перси мы заняли Хамадалу.

5-го. Севернее оз. Дрисвяты было несколько столкновений, удачных для нас.

6-го. Генерал-адъютант П. В. Рукавский Всемилостивейше повелевает по бо-банию от должности главнокомандующего фронтом.

7-го. Севернее оз. Мадато были разогнаны немецкая колонна, понесшая большие потери.

8-го и 9-го. Столкновения в районе Виллы и Доброноде. Наши легки-удачно бомбардировали противника близ Свиничи.

10-го. В Илюка и оз. Далека перестрелка артиллерии — в нашу пользу.

11-го. Наши минометы пали перестрелку с батареями Варны.

12-го. На рижском фронте наша артиллерия удачно действовала у Искюля и восточнее Пушары.

13-го. Бои с «Гебемом». Крейсер вернулся в Нарва с большим количеством.

14-го. Удачные для нас столкновения у Чарторийска, у Пушары (на р. Немн) и к северу от Бучача.

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

1916 г.
№ 5

Вышел 30-го января 1916 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

ГЛАВНАЯ КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ

Петроградъ, улица Гоголя, № 23.

Ужас овладевает мною при виде несчастных, оставшихся «жонки Трой...» Им не уразуметь путь повелений Трои... (Ис. 118). Кто эти святые слова может проповестить, как собственную мысль, тот может свободно управлять своим вниманием, а следовательно, слушать не ему в академии лекции профессора или доверительно читать их в нашей «Ниве».

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

существуетъ съ 1898 года.

Вся лекция составлена известными профессорами и учеными популяризаторами для легкого усвоения каждым, соответствует программам университетов в других учебных заведениях. Каждое из 7 изданий, ясно и компактно отвечающее на все вопросы, с массой цитат и черных рисунков, составляет вполне законченное целое, а во богатство текста компенсирует собой единую научную библиотеку и как бы создает из семьи „Университетъ“. Цена за каждый факультет в 3 тома, без вероятия: Историко-философский (основной) 12 р., специальные: Юридический 11 р., Медицинский 10 р., Биологический (естественный) 9 р. и Богословский 8 р. Имевшиеся прежде издателя Ф. С. Комарского, Петрограда, Пушкинская, 10, без распродажи, за пересылку не платят. Возвратившиеся с поля брани наши читатели и лекции, поступившие им, а также учащие и учащиеся особая титоты. Каталог с образцами текстов и отзывами печати высылается издатель бесплатно. Отправить заказ в любую книжную лавку.

НАШИМЪ ГЕРОЯМЪ

шесть хороших для мужских голосов. Музыка А. Егорова. Цена арт. 80 коп. Каталог „Светская хорная музыка“ высылается — бесплатно.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

П. ЮРГЕНСОНА, в Москве, Неглинный пр., 14.

„СОБИРАНИЕ ПЛАТОНОВЪ“

НОВАЯ КНИГА для коллекционеров и для ВСЕХЪ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ отныне спортом. Налож. плат. 80 к. Складъ изданія: М. ВОЛКЪ, Петроградъ, Петр. Ст., Большой пр., 22.

Контрскую спортивную, рондо, готикъ обучую заочно каждому в 6 уроковъ. В 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 десятковъ марокъ высылкаю образцы шрифтовъ, почерковъ, ученическихъ условий. Одесса. Проф. Калитраффи. Аполоть Косоло. Дерибасовская, 4, № 19.

Новое издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ Петроградѣ.

В. В. МУЙЖЕЛЬ.

...СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ

СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ

(на восточно-прусскомъ фронтѣ).

СЪ РИСУНКАМИ.

Содержаніе:

Отступление или бѣгство? Пленные и павшие. Въ пути. Подъ Ловичемъ. Поетъ боя. Стихія войны. Безъ выхода. Сюрпризъ. Странные города. Мелочи войны. Вторая война. О героизмѣ. Ненужныя жертвы. Ночная атака. Передъ переломомъ. Подъ крестъ. Чужая боль (раненные). Земля и война. Свѣтлая душа. Незачѣтные помощники. Памяти павшихъ (статья первая). Лыскъ и Маритрадово. Памяти павшихъ (статья вторая). Чудо.

Рисунки:

На раздѣхъ. — Утромъ послѣ ночного боя. Нѣмецкіе тру-пы. — Пѣхота въ окопахъ, издали видны дымы нашей ар-тиллеріи. — Городъ Лыскъ. Площадь, кирка. — Станція города Лыскъ при вторичномъ вступленіи русскихъ войскъ. Глав-ное атакѣ вокзала. — В. В. Муйжель на передовыхъ по-зиціяхъ: на краю воронки, сдѣланной „челюдакомъ“.

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПРОТИВЪ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, НЕВРАЛГІИ,

нифаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, принимайте Кефалдолъ-Д-ра Сторъ. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ, пре-крашаетъ нервныя боли и улучшаетъ са-мочувствіе. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по-рецептамъ врачей. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ПРОТИВЪ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, НЕВРАЛГІИ,

нифаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, принимайте Кефалдолъ-Д-ра Сторъ. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ, пре-крашаетъ нервныя боли и улучшаетъ са-мочувствіе. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по-рецептамъ врачей. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете ра-ботать для продажи, и также для соб-ственныхъ надобностей

Требования на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ „ВИКТО-РИЯ“, предлагаютъ лучшія цѣны. „ВИК-ТОРИЯ“ вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 ми-нутъ. Наша автоматическая быстрая-зальная машина „ВИКТОРИЯ“ стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно ста-рательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предваря-тельныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ гарантированъ, работа постоянная.

Требуйте нашъ бесплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К^о.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.

Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

Требования и деньги просимъ адресовать въ контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22. Изданіе это нѣтъся также въ конторѣ Н. И. Печковской въ Москвѣ (Потроховская линия), въ кн. магаз. „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ больш. нижн. магаз.

СЕРДЕЧНЫЯ — ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіеніе и одышки, невравствєнія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣечныя марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ ИС ВВА
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора Его Императорскаго Величества.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Голубо-голубой, выдерж. 1 пр. 208 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадо-декумат. Новѣйш. самушит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Извѣст. выш. образ. на конкурс. скорост. Цѣна за полный курсъ съ вѣнжур. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразован., со справочн. стоваремъ всѣхъ словъ, вѣнжур. и словъ съ буквою Ѣ. При посылкѣ натеж. вѣнжур. 25 к.

Адр.: Кингсгед. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4

Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго изученія. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убожест. шрифт. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообразованія. 168 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить въ службу въ военн., обществ. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какіе вѣнжур. должны принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. При посылкѣ натеж. вѣнжур. 25 к.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Что жетель безъ затратъ капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ написать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производствъ, не требующія капитала, особаго знанія и специальной подготовки. Заняться любымъ можетъ неимѣянно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатицковъ пер., 18-2.

ПИСАТЬ

Красиво и скоро будете писать, если напишете „Механическую прописку“. Повесьте въ каллиграфіи. Цѣна натеж. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „ОХОТНИЧЬИ ВѢСТНИКЪ“.

ОТКР. ПИСЬМА

Импер. Россійск. Флотъ

(Броненосцы, крейсера и т. д.) 32 разн. въ сотнѣ. Превосх. исполн. въ краскахъ на изюмовомъ картонѣ. 100 шт. — 3 руб. 1000 шт. — 25 руб. съ натеж. и перес.

Г-во „АСТРА“, Петроградъ, Шувалово-Никольская, 9.

Химико-бактеріологическая ЛАБОРАТОРІЯ
Б. ГУРЕВИЧА, Ленин, Б. Са-
вельевская, 10.

ЕДИНСТВЕННОЕ РАДИКАЛЬНОЕ

средство для

БЫСТРАГО ИСТРЕБЛЕНІЯ

КРЫСЪ и МЫШЕЙ.

Гаражъ крысинаго и мыш. тифа. Безвредн. для людей, птицъ и домашн. животныхъ.

Порція въ 2 р. 20 к. и 5 р. 15 к.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе.

Бюджетное обученіе. Безплатныя

примѣры. Каллиграфія, стеногра-

фія, правописаніе и проч. **АТ-**

ТЕСТАТЬ. Занятія въ школѣ

вѣнжур. и **БЕЗПЛАТНО.**

Адр.: Петрогр. „Кругъ Самообра-

зованія“, Б. Ружейная, 7—55.

Открыта подписка на 1916-й годъ на старѣйшій въ Россіи литературно-научный журналъ „ОХОТНИЧЬИ ВѢСТНИКЪ“.

съ значительно расширенной и по-

полненной программой.

(Годъ изданія 16-й).

Охотничье. — Родная природа. — Есте-

ственные богатства страны. — Животное

и пернатое царство Россіи. — Отчужден-

ные охотничьи участки. — Промысловая

охота. — Личераспределение. — Научно-попу-

лярные очерки и руководящія статьи. —

Покровство стрѣльбы. — Хроника охот-

ничьихъ обществъ и кружковъ. — При-

ложенная техника. — Писательство охот-

никовъ. — Собаководство. — Рубежъ-по-

литика. — Охотничьи фотопортреты. — Кор-

рекпенденція на всѣхъ вѣдѣхъ Россіи. —

Исторія охоты. — Споры, тѣсно связан-

ны съ охотой. — Совѣты молодымъ охот-

никамъ. — За рубежомъ: широкіе обзоръ

лабрационной охоты и новости оружей-

ной техники. — Охотничья юмористи-

ка. — Искусство. — Копіеи и отбиты.

На участіе въ журналѣ приле-

жены лучшие охотничьи писатели

и знатоки охотничьяго дѣла.

Цѣна 5 руб. въ годъ съ пересылкой и

доставкой на хорошей типографской

бумѣ 8 руб. въ годъ.

Допускается разсрочка.

Контора редакціи: Москва, Б. Са-
вельевская пер., д. № 12. Тел. 78—00.
Ред. С. Н. Алексѣевъ.

НИВА

№ 5.

Выходитъ ежедн. 12 стр. съ гол. и 40 стр. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и Д. КОСТЭРА, 12 стр. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя иллюстраціи карты театра военныхъ дѣйствій, 12 стр. „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выстъ 30 января 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Открыта подписка на „НИВУ“ 1916 г.

К. Стабровский. Шестые грозы.

Художникъ - провидецъ.

„Шестые грозы“ К. А. Стабровского. (Съ портретомъ и 9 картинами на стр. 73—81).

Можно ли предвидѣть и предчувствовать надвигающіяся событія? При извѣстныхъ условіяхъ, умный, изумчивый и чуткій человекъ способенъ видѣть впередъ многое, еще недоступное зрѣнію и пониманію другихъ людей. Метерлинкъ въ одномъ изъ своихъ философско-поэтическихъ трактатовъ высказываетъ даже недоумѣніе, почему люди до сихъ поръ не научились и не сдѣлались способны видѣть будущее такъ же ясно и отчетливо, какъ они видятъ прошлое. Почему человекъ, поставленный въ настоящее, т.-е. въ средину между прошедшимъ и будущимъ, стоитъ все время спиной къ будущему, тогда какъ, казалось бы, именно благодаря своему срединному положенію, онъ долженъ былъ бы находиться въ полѣ зрѣнія не только отшедшаго времени, но и времени наступающаго?

Чрезвычайно интересный примѣръ такой „прозорливости“ будущего“ представляетъ творчество художника К. А. Стабровскаго, точнѣе, не все его творчество, но нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся картины и въ особенности циклъ картинъ „Шестые грозы“.

Эти картины (одна воспроизведена въ настоящемъ № „Нивы“) представляютъ собою поэтическую символизацию пылншаго разоренія Польши тевтонами. Въ рядѣ красивыхъ и жуткихъ символическихъ, полныхъ поэзіи, образовъ художникъ олицетворяетъ Польшу и въ заключеніе провозглашаетъ новое прекрасное будущее родной страны. Картины такъ ясны и опредѣленны по своему содержанию, что зритель уже по первому взгляду убѣжденно говоритъ:

Это картины пылншей войны!

И съ немалой убѣжденностью прибавляетъ:

Художникъ пишетъ подлѣ впечатлѣній видѣннаго и пережитаго.

Между тѣмъ циклъ этихъ картинъ впервые появился еще де-

сять лѣтъ тому назадъ. Изображена въ нихъ дѣйствительно пылншая ужасная для Польши война, но написаны онѣ отнюдь не подлѣ впечатлѣніемъ пережитаго, ибо въ то время, т.-е. десять лѣтъ тому назадъ, художникъ не могъ еще пережить того, что случилось потомъ. Эти картины — результатъ предвидѣнія, созерцанія будущаго. Художникъ сумѣлъ повернуться лицомъ къ таинственному грядущему и изобразилъ его въ краскахъ и образахъ, близко подходящихъ къ разразившейся дѣйствительности.

Когда картины цикла „Шестые грозы“ были впервые выставлены, К. А. Стабровскому говорили: „Что это вамъ вздумалось изображать такимъ-то зловѣщимъ стилемъ? Настроеніе, которымъ такъ сильно проникнуто „Шестые грозы“, было тогда еще совершенно чуждо его соотечественникамъ, равно какъ и всѣмъ не посвященнымъ

Художникъ Казиміръ Антоновичъ Стабровскій.

въ замыслы тевтонскихъ монархій.

Самъ художникъ объясняетъ свое предвидѣніе страшныхъ событій предсказаніями теософовъ, которые указывали на 1913 годъ, какъ на начало страшной европейской войны. Подъ вліяніемъ этихъ теософическихъ предсказаній (теософы ошиблись однако на годъ) художникъ и представилъ себя съ чрезвычайной ясностью ту судьбу, которая ожидала его родину. Предвѣстіе и предчувствіе, въ самомъ дѣлѣ, исключительныя.

„Шестые грозы“ распадается на девять картинъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собою самостоятельную „симфонию въ краскахъ“. Свойственная творчеству К. А. Стабровскаго красивая и содержательная символика пропитываетъ ихъ и придаетъ имъ характеръ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ содержание преобладаетъ надъ формой. Всему циклу, за исключеніемъ послѣдней свѣтлой и радостной картины, свойственны мрачные, сумеречные и ночные тона, что тоже характерно для произведеній Стабровскаго.

„Шестые грозы... Надъ тихими полями собираются мрачныя тучи. Солнце скрылось, и въ тучахъ закружились зловѣщіе образы, и тогъ, кому дано это видѣть, видитъ въ нихъ злыя начала, принявшія форму дикихъ звѣрей и чудовищъ. Въ ураганѣ, несущемся надъ безмолвной и омраченной страной, протянулись чьи-то цѣпки когтистыхъ лапъ... И съ громкимъ карканьемъ летятъ предвѣстники грозы и несчастья, черныя вороны.

И вотъ грянулъ громадный ударъ. И на могильныхъ хол-

махъ стали безконечными веренищами молчаливые кресты. Цѣлый лѣсъ крестовъ—Голгова всего народа. А въ обрывкахъ тучъ опять протянулись хищныя черныя лапы страшнаго чудовища, и молнія освѣщаетъ ихъ.

Пылаютъ деревни, города. Горятъ и гибнутъ въ пламени огненнаго потопа сокровищницы народнаго творчества и дворцы и хижины. Запылали памятники старины, зарѣзано зрѣломъ небо надъ стариннымъ богатымъ городомъ, и протянулись жуткія тѣни въ улицахъ и переулкахъ. А въ клубящихся облакахъ дыма и въ багровыхъ тучахъ высятся страшныя змѣи и злые гады. Это бѣснуются и торжествуютъ злыя силы эгоизма, ненависти и злобы, сорвавшіяся съ цѣпи подлѣ нихремъ разразившейся грозы.

И настанетъ пора, когда надъ печальной страной, надъ развалинами и крестами, понесутся въ облакахъ души несчастныхъ страдальцевъ, а высоко на небѣ появится распятая на крестѣ Справедливость, и тѣнь отъ ея креста протянется по всему краю изъ конца въ конецъ. Вся страна, измученная и истерзанная врагами, будетъ освѣщена этой страшной тѣнью, и, куда ни протянется она, всюду зачернятъ сожженныя усадьбы, города, деревни.

Изуродовано, изморожено самое лицо земли. Вырублены старые вѣковые лѣса. Лишь пни остались кругомъ, да возвышаются то здѣсь, то тамъ безмолвные курганы. Пустынно на землѣ. Но зато тамъ, вверху, царитъ таинственная жизнь: сонмы коѣнопреклоненныхъ взыскуютъ къ небу о спасеніи отъ гнета жестокихъ темныхъ силъ. И поднимается благословляющій перестъ, и темные курганы на опустѣвшей землѣ приподнимаются и къ мольбамъ и къ благословленію.

Вспаханная и изрытая поля покрылись целеною сѣтѣю. Земля замерла подъ дыханіемъ смерти, и надъ безлюдными мертвыми равнинами царитъ мракъ ночи и холода зимы. И уныло возвышаются три креста—памятники братскихъ могилъ. Но уже близокъ разсвѣтъ. Въ небѣ уже мерцаютъ первый лучъ зари и играютъ багрянымъ отблескомъ на латахъ и сбруѣ таинственныхъ всадниковъ. Тамъ, въ безпредѣльной, свѣтящейся вышинѣ, надъ разорванными грядями грозныхъ тучъ, эти крѣпко всадники играютъ на четыре стороны свѣта пробудный „жизнать“, — ибѣню, ибѣню исполняющуюся на разсвѣтѣ, для пробужденія войскъ отъ сна. Надъ мертвой, можетъ-быть, только уснувшей страной скоро прозвучитъ первый призывъ освобожденія. Возстанутъ спящіе, воскреснутъ мертвые, и миллионы пламенныхъ витязей съ крыльями на золотыхъ латахъ понесутся на коняхъ въ послѣднюю битву съ темными и злыми силами. Гимнъ пробужденія смѣнится грозной ратной невиданной битвы. Злыя силы будутъ побѣждены проснувшейся древней мощью народа, гроза пройдетъ, и надъ освобожденной и просвѣтленной страной засияетъ радуга, широкія и свѣтлыя врата новой жизни.

Такое толкованіе картинъ даетъ самъ художникъ. Такъ толковывали онѣ ихъ, словно свое пророческое видѣніе, десять лѣтъ тому назадъ. Теперь все это давно уже сдѣлалось печальной дѣйствительностью. Разрушены кладбища, опустѣли города и селенія, громовые удары не переставая сыплются на несчастную страну и превратили ее въ истинную Голгову польскаго народа. Вырублены, выжжены лѣса, обезображено лицо земли. И, быть-можетъ, уже пропала та таинственная мощь народа, которую думаютъ разбудить предутренній гимнъ боевого пробужденія. Быть-можетъ, уже есть уши, которые слышатъ этотъ гимнъ, и есть глаза, которые видятъ огненную рать, рожден-

К. Стабровскій. Огненный потопъ.

ную въ свѣтлыхъ облакахъ и свѣтающую навстрѣчу бунующей грозѣ.

Быть-можетъ, переживаемая нами страшная и необыкновенная эпоха дастъ человечеству многое изъ того, чего ему не доставало въ тѣ времена, когда душа его таилась глубоко на днѣ невѣдомыхъ пучинъ. Теперь душа человечества всплыла на поверхность океана жизни. И пригнала съ собою способность видѣть незримое и слышать неслышимое.

Въ творчествѣ К. А. Стабровскаго мы видимъ рѣдкую глубину мысли и фантазію, основаніемъ которой послужила освобожденная и всплывшая на поверхность жизни душа человечества.

Быть художникомъ, К. А. Стабровскій хорошо извѣстенъ не только въ художественныхъ кругахъ Польши и Россіи, но и за границей. Уроженецъ Гродненской губерніи, онъ получилъ художественное образованіе въ Императорской Академіи Художествъ, гдѣ работалъ подлѣ руководствомъ такихъ мастеровъ, какъ Рѣпинъ и Кундликъ. Первымъ крупнымъ его произведеніемъ была картина „Магометъ въ пустынь“. За картину „Тихина деревни“ К. А. Стабровскій былъ награжденъ медалью на международной выставкѣ въ Парижѣ. Его картина „У развѣда“ приобретена была для музея въ Мюнхенѣ, а картина „Лазенковскій паркъ въ Варшавѣ“ — для музея въ Венеціи. Съ 1904 по 1910 г. К. А. Стабровскій состоялъ директоромъ Варшавской художественной школы, которая была основана по его же инициативѣ.

Художникъ испыталъ на себѣ самую всѣ ужасы предвидѣннаго имъ „шестія грозы“. Его имѣніе разорено ибѣнами, родная страна захвачена цѣлыми черными лапами иноземцевъ, и самъ онъ сталъ бѣженцемъ, сохранивъ изъ всего своего имущества только свои картины.

Но онъ бодро смотритъ въ будущее...

К. Стабровскій. Громовый ударъ.

„ВИНОВАТЫЙ“.

Рассказ Владимира Воинова.

I.

В ясную утреннюю сумерку в первый раз появилась за нашим окопом его медлительная, неповкая фигура.

Если спросить, чем мы заняты были, когда он подвигался на неуклюжем, пузатом коньке, можно ответить ясно и коротко:

— Зябли.

Солдаты зябли в окопах, а мы, офицеры, — в землянке, вырытой недвину назад ильцами, а теперь перешедшей до поры до времени, к нам. Как всегда, к вечеру наступило ясное, и люди, уставшие за день, боролись, кто как умел, скуку и холод.

Несколько одиночных выстрелов в нашу сторону заставило некоторых солдат обернуться.

Вот тогда-то они и заметили, что кто-то подвигался к окопу и стоит на коньке, не торопясь уйти за прикрытие.

— Какая? — донесся глухой голос.

— Восьмая! — ответили люди.

Ну, вот и хорошо! — сказал человек с лошади и медленно сошел на землю.

Когда он, слегка принася на правую ногу, с конем в поводу, подошел вплотную к окопу, стало видно худое, скуластое лицо, заросшее почти до глаз черной щетиной, и мы догадались, что это новый наш рогный, присланный взаменить штабс-капитана Синицына, тяжело контуженного в последний бой.

Поручик Несвицкий прошел с новым ротным из края в

край по окопу и, дав временное командование, спустился в землянку.

— Кто такой? — спросили Несвицкого я и прапорщик.

— Капитан Заплетухин.

— Тот, что был адъютантом?

— Он самый.

Не скажу, чтобы первое впечатление было благоприятным для нового ротного.

Не понравилось нам, что он пришел один, немалый: не понравился и то, что он из адъютантов; а больше всего не понравился его медлительная медлительность и полное равнодушие к тем, несколькими одиночными выстрелами, которыми пригрозил его появление на линии окопа наши противники: в нашем полку народ серьезный и дешеных эффектов не любит.

По лицам солдат, бывших рядом со мной, я видел, что новому ротному едва ли придется занять в солдатской душе то важное и высокое место, которое отводится „отцу-командиру“. Да и на нас, офицеров, несколько странное впечатление произвела та медлительность и неповка, с которой он только что вступил в командование.

Самое же удивительное в чем-то. Может-быть, в себе, может-быть, в нас.

И то и другое нам было не по душе.

— Где ротный? — спросили мы минутой спустя Несвицкого.

— Меня отослали в землянку, а сам остался на правую фланг.

Снял отблеск и приказал ему сзади окопа вырыть прикрытие для коня.

— Для коня! — удивились мы в один голос.

— Для коня! — смеясь, подтвердил Несвицкий. — Теперь сидит на коньке и смотрит, как роют. Потом придет к нам.

Мы замолчали, думая о новом начальнике.

Прапорщик закурил и принялся упорно сопеть, раздувая под кучкою теплого пшена золотую шедуху скрытого жара, уже кое-где тронута предательскою чернью.

II.

— Э, да у вас тут чайник налаживается! — вывел нас из задумчивости голос нового ротного.

Цепляясь за стеньки и потолок, капитан Заплетухин пробрался в землянку и, тяжело отдуваясь, окинул нас улыбающимися, заискивающими глазами.

— Пожалуйста, господин капитан! Тут, видите! — отодвинулся прапорщик, уступая начальнику место.

Ничего, голубчик! Ничего! — затормошил Заплетухин. — Мне и здесь хорошо! Меня зовут Николай Константинович! — добавил он минутой спустя. — А вас?

Мы назвали себя.

Он повторил вслух, словно стараясь запомнить раз навсегда, и вынул серебряный портсигар.

Курите, Петр Николаевич! Иван Владимирович! Владимир Васильевич! — обращаясь он ко мне, Несвицкому и прапорщику.

Мы закурили.

— Ну вот! Будем вместе служить! — сказал капитан, по-прежнему улыбаясь. — Я, знаете, рад. Очень рад, что придется по-настоящему.

Несвицкий налил из чайника эмалированную кружку и поднес капитану.

— Нет, нет! Ради Бога! Залейте! — разволновался неожиданно Заплетухин. — Пейте сначала

ужь вы! Я погублю! Я ведь недавно отсюда, а вы... Нет, ужь увольте, пожалуйста!

Он решительно отстранял от себя кружку и, скромно похивая на сторону дымящегося паянроса, глядел на нас неспокойными глазами.

В чем дело, не могли мы понять.

Присутствие капитана Заплетухина внесло непривычную неопределенность в наши до этого дня простые и ясные отношения.

Его предупредительность была неприятна в почтительности, с которой он называл наши имена, старательно избегая забыть их и перепутать, казалось что-то не вяжущееся с его положением старшего и командира: а в той внимательности, с которой он выслушивал самую незначительную нашу слова, чудилось отсутствие искренности.

Вообще в умалении собственного достоинства и в некоторой подобострастности в отношении меня, Несвицкого и даже нашего прапорщика лежало что-то, не вяжущееся с общепринятой формой взаимоотношений, выработанной военной средой.

И от всего этого назрело в душе нехорошее чувство — не то досада, не то недобрый.

— Что он все по отчеству нас погоняет? — угрожающе спросил прапорщик, когда капитан, забыв, „пойду-ка навещаюсь“, выплыл из окопа на землянку.

— Нет, ужь вы! Я отсюда, а вы отсюда! — передразнил Несвицкий. — Не нравится мне это, если по правде сказать. Слово оправдывается в чем-то. Винаваты какой-то!

Я подумал о Заплетухине, и мне показалось, что Несвицкий очень удачно уловил характер его поведения.

— Да! Винаваты! Именно так! Поручик, как влият!

Так и остался за капитаном Заплетухиным эта странная кличка, данная Несвицким по первому впечатлению.

— Где Винаваты? — спрашивали мы один у другого на следующую минуту.

— Винаваты? В прикрытие у коня! Кормить пошел.

И нам было несколько легче, когда с нами не было Заплетухина.

III.

В первый же день, когда нам пришлось контратаковать отбивавшихся ильцев, и мне, и Несвицкому, и прапору стало много ясно из того, что до этого дня вызывало досаду и недоброе.

Когда, перед началом удара, вывели перед окопом из прикрывающего брешата коня и Винаваты при помощи ефрейтора принялся карабкаться в седло под пулеметным огнем, мы были изумлены хладнокровием и выдержкой нового ротного.

С той же самой улыбкой, с которой он предупредительно открывал свой портсигар в землянке, угощая меня и Несвицкого, он глядел на солдат, ожидающих знака для выхода из окопов; и, когда нужный момент настал, он, впереди всех, неуклюже выехал из открытого ворота проволоочной изгороди и под брызгами свинца и шрапнельных осколков повел нашу роту.

Как он упреждал в этом деле, я и теперь не могу объяснить. Знаю только, что, пока на лопатках шла свалка и солдаты работали штыками, все время то здесь, то там появлялась на брешатом коньке неуклюжая фигура Винавата и присутствием своим внушала уверенность в удачном исходе дела.

А несколько минут спустя, когда люди отхлынули снова в окопы и остались со средоточенным огнем прожигали бегущую толпу разстроенных ильцев, Винаватный пошел уже своей портсигар, чтобы протянуть его мне с неизменной улыбкой.

Курите, Владимир Васильевич!

Вечером этого дня мы снова сидели в землянке за чайником, и капитан, дожидаясь, когда освободится эмалированная кружка, занялся Несвицким, разговаривая с ним, почему он не может разстаться с конем и выжидает постоянно представлять видную минуть для неприятельских пушек.

Нога у меня, Владимир Васильевич! Я о ног-то забыл вам сказать... Отморозил ее, еще в мирное время. Отрвали. До колена. Так вот и пришлось помириться на деревянной. До войны-то она не очень меня беспокоила, надобности в ней быть боковой отставному. А вот как войну объявили, да все мои приятели ушли на позиции с своими частями, тут-то я и понял, что оно значить — нога! Врите ли, как-то, ить ни одного учреждения, где бы ни обила пороги моя деревянная нога. Везде был. Просил... Друзья за меня хлопотали. И, благодарие Господу, удалось-таки выхлопотать разрешение пробовать в полк, якобы за нужными документами. Ну, а раз попал на фронт, — пол-дла сдано. Прикомандировали меня к одному из штабов, в рот как адъютантом, стало-быть. Из сожаления. Отлегло от души! Все-таки при деле. Ничего пока не туду, завтра туду. Ить-ить и огня кос-где понюхаешь. А все-таки щемил душа — настоящего дла хотелось. И случись тут, что вашего командира, дай ему Господи здоровья и счастья, контузило. Тут я и обнаглел. Дайте, говорю, ваше превосходительство, вк за вас Бога молить, дозвольте командовать ротой! Поглядели, подумали... И все-таки уважали. Вот мы и сидим теперь с вами в земляночке да помаленьку-расторасмь. Правда, нога-то она того... Да Господь с ней... На конишк-то еще послужим! Врно я говорю, Петр Николаевич?

Я поглядеть на Несвицкого. Он на меня.

В эту минуту мы многое поняли.

IV.

Нет слов, полюбили мы нашего капитана. От прежней неповкости и сдла не осталось.

Да и капитан как-то вылюбел: но то действительно изменился манера его говорить с нами, не то глядеть теперь на

К. Стабровский. Надъ печальной страной.

К. Стабровский. Тень креста.

К. Стабровский. Курганы.

нее мы сами немного осмыслили: а только приятно намъ стало бывать въ его обществѣ, и съ большою охотой мы слушали простыя и нѣсколько жалкія слова его.

Захотѣлось узнать, какъ относится солдатъ къ новому командиру. Вотъ тутъ-то я и сдѣлалъ одно удивительное открытіе.

Какъ-то ночью пришлось парить мнѣ команду развѣдчиковъ. Прошелъ по окопу, вызывая охотниковъ.

На правомъ флангѣ людей на мѣстахъ маловато оказалось.

— Гдѣ народъ? — спрашиваю.

— А, — говорятъ, — въ лошадиномъ прикрытіи.

Пробираюсь туда.

Смотрю. И что бы вы думали? Около брюхатого конишки цѣлый совѣтъ идетъ: двое солдатъ кормятъ его хлѣбомъ съ сахаромъ, одинъ на землѣ пучокъ соломы растряхиваетъ, другой пятеркою по лохматъ скребетъ, ениция напичкуетъ иней, а ефрейторъ съ лѣвофланговымъ цѣрваго взвода изъ старыхъ нѣмецкихъ шинелей для конишки попоу выкраиваетъ.

Взволновала меня пса эта исторія.

Не сталъ беспокоить ребятъ: вернулся въ окопъ и набралъ охотниковъ изъ тѣхъ, что тамъ были.

Рассказалъ имъ, въ чемъ дѣло: какъ нужно идти, гдѣ злечь, и чего отъ нихъ капитанъ хочетъ.

Съ подустова пошли.

Проводивъ до воротъ въ изгородь, я вернулся назадъ, закурилъ и присѣлъ у окна, порѣшивъ подождать результатовъ развѣдки.

Ночка выдала тихая, темная, въ двухъ шагахъ ничего не видно. Въ такія ночи, когда остаешься одинъ, особенно хорошо вспоминается. Ублудать я ноги поюю иней, привалить на насыпь и думаю. А время идетъ да идетъ. И вдругъ показались мнѣ въ одну изъ минутъ просвѣтлѣнія, что енишкѣмъ ужъ долго ждать нашихъ развѣдчиковъ.

Забезпокоился я. А ну, какъ попали ребятки? Веталь потихоньку съ насыпи, да и выходя навстрѣчу: не послышится ли чего-нибудь?

Только оставилъ за спиной изгородь шагахъ въ полустахъ, загомонилъ впередъ что-то. Ну, думаю, наши. Все-таки припалъ до земли на всякій случай и слушаю.

Наши и есть; по разговору узналъ.

— Какъ ты взялъ его? — донеслось до меня.

— Руками бирали! — Это отвѣчалъ Асланъ-Бекъ, лучший изъ нашихъ развѣдчиковъ. — Онъ на меня живѣе пороть хотѣлъ, а мы его готымъ руками бирали. Очнь мнѣ охота была башку ему долой рѣзать. Потомъ Дыриванный Нога вспоминалъ. Нельзя башка рѣзать... Дыриванный Нога живой братъ хотѣлъ, а мы для Дыриванный Нога свой башка не жалѣемъ, совсѣмъ. Якинъ Дыриванный Нога! Гейкъ якинъ!

Асланъ-Бекъ какъ-то вкусно прищелкнулъ языкомъ, и партія развѣдчиковъ поровнялась со мною.

Я осторожно приветалъ и окликнулъ охотниковъ.

Въ эту ночь я не спалъ до разсвѣта.

Все стояли въ ушахъ слова Асланъ-Бека „якинъ Дыриванный Нога“, „для Дыриванный Нога свой башка не жалѣемъ совсѣмъ“.

Мы вотъ, — я, поручикъ Несвицкій и прапоръ, — сразу впали въ ошибку, увидавъ въ своей средѣ новаго человека съ нѣсколько страннымъ образомъ дѣйствій и несправной манерой говорить съ подчиненными.

А вотъ они, солдаты, не сдѣлали этой ошибки.

Ефрейторъ послѣ цѣлаго дня трудовъ и заботъ, вмѣсто отдыха, выкраиваетъ попоу для капитанова конька, а Асланъ-Бекъ, не думая о себѣ, голыми руками беретъ здоровеннаго нѣмца только потому, что командиру это будетъ приятно.

Вотъ тутъ и пойми: какъ и чѣмъ доходятъ они быстро и просто до того, къ чему мы приходимъ послѣ долгой повѣрки и тщательнаго и нуднаго развѣдыванія.

И, что важно всего, у насъ еще возможны ошибки, а у нихъ — никогда.

Когда я подѣлился своимъ открытіемъ съ Несвицкимъ и прапоромъ, они были очень обрадованы.

У.

Въ нашей Каппазской гренадерской бригадѣ много тумашцевъ: а въ ротѣ капитана Заплетухина ихъ, право, не меньше половины состава. Это исключительно храбрый народъ — и какой-то особенный.

Вглядываясь въ ихъ отношенія къ ротному, я и тутъ обнаружилъ признаки нѣкотораго своеобразія.

За одиннадцать мѣсяцевъ участія бригады въ бояхъ и походахъ наша рота успѣла смѣнить четырехъ командировъ.

Всѣ они были людьми разнаго склада, различныхъ привычекъ и разнаго толка въ военномъ искусствѣ.

Первый былъ строгимъ, корректнымъ: настоящий „моментъ“, какъ у насъ называютъ штомцевъ Академіи Генеральнаго Штаба. Прямой, пушистые усы, свѣжкія перчатки, янтарный мушкетеръ и запахъ духовъ, — вотъ изъ чего составлялось поверхностное представление о его вѣншности.

Съ внутренней стороны это былъ жесткій, сухой человѣкъ, книжнаго глѣна, измѣняющій для вѣхъ положеній готовую формулу и оперирующій живымъ матеріаломъ въ полномъ согласіи съ классическими образцами, почерпнутыми изъ учебниковъ тактики. Дай ему дивизію, корпусъ, или цѣлую армію, онъ и тутъ останется самимъ собою: не растеряется, не усомнится въ своихъ способностяхъ, не испытаетъ ни разу ни колебаній ни страха передъ гирьбой ответственностью: просто и холодно приметъ

оперировать величинами болѣе крушаго поряка и въ предположеніяхъ задачахъ, опирая на шагъ не отступивъ отъ классическихъ формъ, взятыхъ на этотъ разъ изъ учебника стратегіи.

Такихъ въ нашей арміи много. Это хороший и нужный матеріалъ — честный и твердый, умѣющій всегда и вездѣ прихвѣстать запасъ свѣдѣній, почерпнутый въ богатыхъ сокровищницахъ Николаевской Академіи. И если и можно упрекнуть въ чемъ-нибудь офицеровъ такого типа, такъ это въ одномъ: всѣ они недовѣдаютъ культъ великаго коренканца, и рѣдко какой изъ нихъ съ пернаго курса не носитъ уже гдѣ-то въ самыхъ пѣтрахъ души своей смѣлкой и тайной надеждой завоевать цѣлый міръ.

Нашъ поклонникъ великаго коренканца до послѣдней минуты былъ спокоенъ и гордъ: въ атаку ходилъ въ свѣжкихъ перчаткахъ и былъ раненъ въ горло напыдетъ въ ту самую минуту, когда, скрестивъ на груди руки, ловилъ подходящій „моментъ“, чтобы бросить насъ во флангъ батальону австрійцевъ.

Вѣчная ему память!

Второй командиръ былъ горячий и пылкій, какъ порохъ. Грузинскій князекъ — милый и честный товарищъ и прекрасный солдатъ.

Солдаты прозвали его „фугасъ“.

Зарвался подъ Красникомъ, очертил голову, и не стало „фугаса“ Третій носилъ рыжую бороду, не пилъ, не курилъ, пѣлъ псалмы и вѣчно молчалъ, когда нынѣшняя возможность соблазна и поболтать.

Съ холодныхъ голубоватыхъ глазахъ его было что-то „не отъ міра сего“.

Ранили его подло и страшно — разрывной пулей. Умеръ онъ въ полномъ сознаніи, перенесъ безъ единого слова цѣлыя сутки мученій.

На смѣну ему дали Синицына.

Этого контузило недѣлю спустя послѣ принятія роты.

Какіе это были различные люди, какъ разное сморѣли они на дѣло, и какъ совершенно по-разному относились къ нимъ наши кавказцы: коренканца боялись, грузинскаго князя любили, рыжебородаго капитана съ потусторонними глазами безобидно вышучивали, а съ Синицынымъ держали себя запросто, словно со своимъ человѣкомъ.

И, можетъ-быть, это покажется страннымъ для людей, не знакомыхъ съ военными буднями, — сущность этихъ отношеній къ различнымъ начальникамъ неукоснительно сказывалась на самомъ характерѣ дѣлъ, проведенныхъ подъ тѣмъ или инымъ руководствомъ.

Непосвященному человѣку едва ли понятно, какъ это одинъ и тотъ же рядъ дѣйствій, происходящій всегда въ опредѣленномъ порядкѣ и строго исчерпываемый на личностью однихъ и тѣхъ же окружающихъ условій, можетъ давать въ зависимости отъ характера и духа командующаго совершенно различные результаты.

А между тѣмъ это такъ.

Солдаты всегда вели себя честно и самоотверженно: никто не посмѣетъ имъ бросить упрека въ недостаткѣ самопожертвованія и мужества.

И все-таки при коренканцѣ въ каждой атакѣ чувствовался прежде всего „магавръ“, при князѣ бой былъ поистинѣ „боемъ“, при рыжебородомъ въ глазахъ стояла всегда нѣмая, холодная жертва, а при Синицынѣ шла взаимная братская выручка.

И это ощущали не только Несвицкій и я, но и въ простѣхъ пересудахъ солдатъ, ведущихъ вечерами въ окопахъ, я находилъ цѣлкомъ подтвержденіе своимъ мыслямъ.

Тѣмъ интереснѣе было мнѣ теперь, при Висноватомъ, раз-

глядѣть: чѣмъ особеннымъ, новымъ, отбитымъ кавказцы въ душѣ у себя пятую по счету вѣрѣнью командованія?

VI.

Яснымъ морознымъ утромъ, когда мы съ Несвицкимъ поочередно слѣдили въ бинокль за участкомъ нѣмецкихъ окоповъ, я подѣлился съ поручикомъ моими мыслями.

Онъ долго молчалъ, не отрываясь отъ Цейса, потомъ передалъ его мнѣ и сказалъ:

— Да, это очень занятный вопросъ. Я самъ о немъ думалъ. Знаете, какъ они окрестили его?

— Знаю, Дыриванный Нога!

Несвицкій улыбулся.

— Я нашихъ людей знаю въ достаточной степени. И кажется мнѣ, что въ ихъ отношеніи къ новому командиру есть что-то отъ Купера.

— Какъ? — переспросилъ я, боясь ошибиться.

— Отъ Купера! Помните, въ дѣствѣ: „Желѣзная Рука“, „Стеклопанный Глазъ“ и иное. Ну, такъ вотъ въ этомъ самомъ „Дыриванный Нога“, помимо опредѣленій по одному изъ существующихъ признаковъ, я подѣлилъ и нѣкоторое содержаніе. И не кажется ли вамъ, что для нихъ, для Асланъ-Бека и прочихъ, этихъ горныхъ орловъ, не тронутыхъ по-настоящему нашей цивилизаціей, деревянная нога капитана есть нѣчто большее, чѣмъ это видимъ мы съ вами. Вы посмотрите, какими они головами, съ какой мимикой, съ какимъ выраженіемъ произносятъ это самое „Дыриванный Нога“. Тутъ и таинственность, и страхъ, и почитаніе, и гордость кака-то. Да! Гордость! У насъ, молъ, командуетъ самъ „Дыриванный Нога“. И я не поручусь, что этой ногѣ они не приписали уже какихъ-нибудь особенныхъ свойствъ — страшныхъ, таинственныхъ, не лишенныхъ, пожалуй, божественнаго начала. А? Вспомните, чѣмъ намъ самимъ казались въ дѣствѣ всѣ „стеклянные глаза“ и „желѣзные руки“.

Я глядѣлъ на Несвицкаго изумленно открытыми глазами.

К. Стабровский. „Геймалъ“.

Чортъ возьми! Да вѣдь это действительно такъ!

Мало того, наличие тѣхъ чертъ, которыя онъ только-что назвалъ простыми словами, честное слово, ощущались и мною. Но только я не сумѣлъ до конца продумать ее и довести до логичнаго вывода. Теперь же, когда этотъ выводъ сдѣлать уже другимъ человекомъ, мнѣ словно открылся новый уголокъ действительности, странной и милой, немного смѣшной и трогательной по своей чистотѣ и наивности.

И то, что на этотъ внезапно открывшійся уголокъ придется еще смотреть много разъ, прямо-таки меня обрадовало.

Словно сошлись двѣ какія-то грани во времени, выжавъ все промежуточное, наивное разсудкомъ, ученіемъ, школой и жизнью; сошлись и свели вилотную далекое дѣтство, разубрашное богатыми красками своей и чужой фантазіи, и теперешніе суровые дни, нескладно припавшіе въ себя вмѣстѣ съ ногой капитана всѣ элементы таинственности, чудесности и красоты — родной, знакомой и милой.

Вотъ такъ сюрпризъ! До чего же крѣпко заложена въ человека эта жемчужина сказочной красоты, если она нашла себѣ бытіе даже въ мерзломъ окопѣ восьмой роты, въ обстановкѣ, отнюдь не располагающей къ празднымъ мечтаніямъ.

VI.

Послѣ одного изъ нашихъ обычныхъ ударовъ „на короткѣ“ въ деревянной ногѣ капитана оказалось двѣ пули.

Неизвѣстно какими путями всѣ рота узнала объ этомъ.

Не прошло трехъ часовъ, какъ количество пуль уняте-рилось.

— Десять пуль! Самъ выдѣлать! — клялся отчаянно Асхатъ-Бекъ и тѣхъ хлѣбъ въ доказательство искренности своей клятвы.

— Десять пуль и усебъ въ дырявый ногъ стырчать! — пошелъ таинственный шопотъ изъ края въ край по окопу.

Кавказцы сверкали глазами и значительно покачивали головами. Мы съ Несвицкимъ сдѣлали за ними и радовались, какъ малые дѣти.

Ночью мнѣ показалось душно въ землянкѣ, и я высушу голову въ окопѣ.

Въ двухъ шагахъ отъ меня сидѣли на коротышкахъ нѣсколько человекъ и слушали.

— Це-це! — прищелкивалъ языкомъ кто-то невидимый.

— Вотъ шайтанъ кирчалъ: „давай суды капитанъ, ми пѣз его борода башлыкъ-машлыкъ себѣ дѣвать будымъ“, а Аллахъ кирчалъ: „бульна якинъ капитанъ! Такой капитанъ мнѣ самому пада!“ Стали немощки тащить капитана.

Аллахъ руками биралъ, шайтанъ ногамъ биралъ. Адынъ сырчалъ, другой сырчалъ.

— Це-це! — ще-кнулъ опять языкомъ кто-то невидимый.

— Почти увѣсь на Аллахъ ношебъ! Адынъ ногъ видирталъ шайтанъ.

— Це-це! — сичувственно щелкнуло нѣсколько сразу.

— Вотъ Аллахъ гаварилъ ему: „бульна ты якинъ чачыякъ, капитанъ! Ми тибѣ дырявый ногъ дѣвать будымъ. Такой ногъ, усебъ пули на ему пойдеть! Десять пуль! Двадцать пуль! Гуайя, капитанъ, на свой дырявый ногъ! Ни адынъ рана ны будымъ!“

Разскачикъ помолчалъ съ минуту, потомъ грозно добавилъ:

— Когда сто пуль будымъ, ногъ живой илдемантъ!

Я потихоньку убралъ свою голову и пробрался обратно въ землянку.

Капитанъ мирно похрапывалъ въ уютѣ, завернувшись въ походную бурку; ближе ко мнѣ крѣпко спали Несвицкій и прапорщикъ.

Знать ли нашъ новый начальникъ о томъ, какіе разсказы идутъ по окопу о его деревянной ногѣ?

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Талисманъ.

Рассказъ Георгія Павлова.

(Окончаніе)

V.

Передъ подъѣздомъ огромнаго дома на Фридрихенштрассе, угрюмаго и холоднаго, какъ тюрма, лейтенантъ Токири Мійято столкнулся лицомъ къ лицу съ Генрихомъ Фердовымъ, сядившимся въ экипажъ.

— Очень радъ видѣть васъ, господинъ Токири. Вы идете къ намъ? Я извиняюсь, меня экстренно вызвали по телефону, но Рита дома и будетъ очень довольна вашимъ визитомъ. Она сегодня не въ духѣ — все нервы, нервы, — разсѣйте ее разсказами о Японіи, которую она такъ любитъ.

— Мнѣ было бы очень приятно...

— Я возвращусь скоро. Надѣюсь, что ни вы ни она не будете скучать въ моемъ отсутствіи.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Токири Мійято улыбался своей загадочной азиатской улыбкой. Его дѣла шли хорошо. Перпалъ часть программы, возложенной на него, была уже выполнена: 42-сантиметровыя орудія, только-что появившіяся подъ Льежемъ и вызывавшія восторженное изумленіе въ Германіи, были давно извѣстны японскому военному ведомству. Благодаря донесеніямъ Токири, падъ расшифрованіемъ которыхъ тщетно ломали голову чины берлинской телеграфной цензуры. Оставались планы Цинцао — но эта задача была значительно легче первой. Лейтенантъ Токири зналъ, гдѣ искать ихъ.

Госпожа Фердовъ принимаетъ?

Горничная провела его въ гостиную. Онъ ждалъ недолго: рядомъ послышались знакомые торопливные шаги, и Рита появлялась въ комнатѣ вмѣстѣ со своимъ ароматомъ фіалокъ. На ней были

изысканный капотъ, очень скромный по своему покрою и очень прозрачный, потому что былъ сдѣланъ изъ кружевъ. На этотъ разъ она казалась бѣднѣе обыкновеннаго, и вѣки ея были сильно напудрены, какъ будто она хотѣла скрыть слѣды недавнихъ слезъ. Но она улыбалась, протягивая гостю обѣ руки, и эта улыбка была искренней и радостной.

— Господинъ Токири! Какъ это мило съ вашей стороны. Вы совсѣмъ пропали послѣ нашей прогулки, — я уже думала, что совсѣмъ забыта...

Нѣтъ, онъ не забытъ — не могъ забыть. О, эта прогулка вдвоемъ по бульварамъ Берлина! Темныя улицы, обрывки фразъ, мимолетныхъ, незначительныхъ, прерываемыхъ полными трепета наизуамъ; прикосновеніе нѣжной руки и волнующая прелесть ожиданія возможной встрѣчи съ мужемъ. Теперь онъ опять стоялъ подлѣ этой женщины, наединѣ съ нею, послѣ двухдневной разлуки, показавшейся ему вѣчно-стью, — разлуки, во время которой онъ понялъ, что образъ Риты, такъ незаметно вошедшій въ его душу, запечатлѣлся на ней глубокими и рѣзкими чертами.

То былъ опасный моментъ. Но Токири вспомнилъ о томъ, что не только зарождающаяся любовь приводитъ его въ этотъ домъ, тайну котораго онъ долженъ былъ похитить. Зачѣмъ онъ здѣсь сейчасъ, зачѣмъ не вернулся назадъ послѣ встрѣчи съ Фердовымъ? Его задача трудна, но для ея облегченія онъ не хотѣлъ пользоваться обманчивой ролью влюбленнаго, — онъ, самурай и потомокъ даймйосовъ Токири. Если онъ полюбилъ Риту, тѣмъ хуже для него, потому что она слабая женщина и жена его врага. Онъ сдѣлался сдержаннымъ, осторожнымъ, почти холоднымъ.

— Я встрѣтилъ сейчасъ вашего супруга передъ подъѣздомъ...

— А! Вѣроятно, вы шли къ нему по дѣлу и согласились, изъ любезности, посидѣть со мной: вы очень корректны, благодарю васъ...

Въ ея словахъ звучали интонаціи обиды и разочарованія. Токири протестовалъ болѣе рѣшительно, чѣмъ требовала простая вежливость. Его самообладаніе опять измѣняло ему, онъ былъ опять не мнѣномъ передъ своей жертвой, онъ былъ только мученикомъ, влюбленнымъ въ прелестную женщину.

— Клянусь вамъ, что нѣтъ, фрау Рита. Мнѣ хотѣлось увидѣться съ вами, ничего больше. Помните, на „Тристанѣ“ вы сказали однажды, что видите во мнѣ звено между вами и Японіей. Я не смѣю сказать о себѣ того же...

— Не смѣете? Почему?

— Сударыня, мое глубокое уваженіе къ вамъ...

Онъ подыскивалъ на чужомъ языкѣ слова, такія далекія отъ техническихъ терминовъ, съ которыми онъ привыкъ обращаться болѣе свободно. Онъ говорилъ съ ней по-японски и торопился перевести точнѣе и красивѣе испитія, для которыхъ не находилъ подходящихъ выраженій на этомъ холодномъ и жесткомъ языкѣ, похожемъ на звонъ стали.

Рита засмѣялась суровымъ смѣхомъ, зловѣщимъ смѣхомъ начинающейся истерики.

— Уваженіе ко мнѣ? Да развѣ такихъ, какъ я, уважаютъ?

Онъ хотѣлъ возражать, но она остановила его жестомъ, полнымъ отчаянія, и заговорила опять съ лихорадочной быстротой, какъ въ бреду:

— Простите меня. Это неделикатно, я не должна, не смѣю ничего говорить вамъ — чужому... Но мнѣ такъ тяжело, я такъ одинока, подлѣ меня нѣтъ никого, съ кѣмъ я могла бы подѣлиться моихъ горемъ.

— Говорите, говорите, прошу васъ...

Вы знаете, что было сейчасъ, за нѣсколько минутъ до вашего прихода? Онъ меня билъ. Да, да... Здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ вы съ такимъ уваженіемъ поцѣловали мою руку, этотъ грубый, ужасный, жестокий человекъ ударилъ меня — женщину. Вы

К. Стабровский. Радуга—врата новой жизни.

хотите знать, за что? Я скажу вамъ, но вы не повѣрите. Я — французка...

И она зарыдала, уронивъ голову на руки. Токири стоялъ, какъ пораженный громомъ. Французка... Такъ вотъ что значили ея неестественная веселость и мгновенные переходы къ такой же безпричинной грусти: вотъ какую тайну хранила она въ душѣ, обреченная на ужасную жизнь съ врагомъ-мужемъ.

Не говоря ни слова, Токири наклонился надъ плачущей Ритой. Эти нѣсколько фразъ, безсмысленныхъ, произнесенныхъ прерывающимися голосомъ, рѣшили его судьбу. Его врагъ былъ также ее врагомъ, ихъ не раздѣляло больше ничто. Этой несчастной, оскорбленной, опозоренной женщиной было нужно, какъ воздухъ, то, чего минуту назадъ онъ не смѣлъ предложить ей. Тамъ, гдѣ замолчалъ онъ во имя благородства и гордости, заговорила сама судьба — и онъ не хотѣлъ противиться ей. Мгновенно и сильнымъ движеніемъ, полнымъ безконечной нѣжности, Токири Мійято обнялъ едва прикрытыя кружевомъ плечи, содрогавшіяся отъ рыданій, и прижалъ голову молодой женщины къ груди, какъ будто принимая ее подъ свою защиту и покровительство.

Она не сопротивлялась.

VI.

Автомобиль безшумно катился по уединенной аллѣ парка. Темный осенній вечеръ, фонари Берлина остались далеко позади. Маленькая латочка освѣщаетъ внутренность экипажа, букетъ чайныхъ розъ, приколотый къ сѣдлу, и двѣ головы, часто соприкасающіяся устами. Рита Фердовъ, откинувшись назадъ, прильнула вѣкомъ тѣломъ къ плечу своего друга, котораго не ждала еще вчера: глаза ея сіяютъ, она счастлива, весела — ей не надо больше притворяться ни гадумчивой ни печальной.

— Милый, милый, радость моя, жизнь... Знаешь, я плохо вижу твое лицо. Почему теперь печеръ? Я хочу, чтобы намъ съ тобой сдѣлало солнце. А ты еще прятался въ тѣни... Милостивый государь, или у васъ нечиста совѣсть? Сиди, сиди, я пошу-

тица: не двигайся, ты устал, я тебя замучила своими объятиями. Так я еще ближе чувствую твою душу, твоё благородное прекрасное сердце... Отчего ты все время молчишь? Ах да, ты не умеешь быть нежным на нашем языке, я забываю... Все равно, говори по-японски, я пойму тебя. Или нет? Не говори ничего, только целуй меня, целуй крепче... Еще крепче... Слушай... Что я хотела сказать? Да: я полюбила тебя с первого взгляда — тогда, на пароходе. А ты?.. Правда?.. Ты меня не обманываешь?

Она порывисто обняла его под лучом фонаря, любовно заглянувшему во внутренность экипажа. Автомобиль мчался по улицам предместий, мимо мелькали спящие дачи в зелени своих садов. Рита выпрямилась.

— Теперь надо быть напуганными — нас могут увидеть. У меня так много знакомых в каждом закоулке Берлина. Фрау Ферлов знает все: еще бы — ведь мой супруг пришел при дворе, это для немцев кое-что значить. Ах, как мне опротивело все здесь, если бы ты знал! Уйдем-ка вместе с тобой в Японию. Ведь ты можешь убить, правда? Счастливый, ты свободен и не связан ничем...

Токири осторожно выводит свою руку. Ему казалось, что он идет по узкой дощечке между острями мечей, угрожающих ему отовсюду.

— Нет, я еще не совсем свободен, дорогая. Ты знаешь, я пришел сюда не для развлечения. У меня здесь дела, и очень серьезные. Быть-может, события примут такой оборот, что Япония окажется вынужденной примкнуть к тройственному союзу...

Рита замахала руками.

— Ах, перестань, ради Бога... Какое мне дело до этого! Ты

В Черном море.

Один из наших славных миноносцев, уничтожающих турецкие парусные и паровые суда, пытающиеся поставить уголь и предметы снабжения из Малой Азии в Константинополь.

В Черном море. Обстрел портовых сооружений в Эрегли нашим миноносцем Д. Видны удачные попадания.

думаешь, Генрих мало надобает тебе этой пийшой? Я не могу больше слышать ничего о политике. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была милой и со мной, остальное меня не интересует несколько. Ты улыбаешься? Ты думаешь: бедная маленькая Рита, как она плачет... Что делать, сударь — берите меня такую, как есть.

Она опять крепко стиснула его руку. Лейтенант, продолжая улыбаться, слегка поморщился от боли: застывшая браслетка повисла в его занятии, из-под рубиновой подвески выступила капля крови.

— Что это? Я уколола тебя? Но у меня нет никаких булавок... Ах, это твой браслет... Вот видишь, какой ты глупый: разве можно носить вещи, которые царапаются. Давай, я тебя сейчас вылечу.

Наклонившись к его руке, она выискивала кровь из укола. Токири молча смотрел на ее обнаженную шею и завилки блондинских волос, переходившие в густую массу янтарного цвета, такую тяжелую и благоухающую. Рита выпрямилась, глаза ее блеснули.

— Знаешь, твой браслет очень красив. Но разве мужчины носят у нас такие украшения? Это женская игрушка. Благородное золото, великолепная отбивка, а рубины — прямо драгоценность.

Токири разогнул браслет и надел его на полную руку молодой женщины. Она смотрела на него молча, широко открытыми глазами.

— Что это ты делаешь? Хочешь прибить меня?

Застегнув браслет, Токири поднял ее руку и любовался сочетанием золота, драгоценных камней и атласной блондинской кожи.

— Этот браслет был дорог мне, Рита, — сказала она с волнением в голосе. — Это не просто драгоценность: это талисман, освещенный в буддийском храме и предохраняющий от зла и горя того, кто получил его в дар любви. Пусть он принесет тебе счастье. Его дата мне на прощанье женщина, которую я люблю.

— И ты даришь его мне? Ты ее больше не любишь?

— У меня только одно сердце, и я могу любить только одну. Автомобиль остановился у подъезда загородного ресторана, они вышли. Отдельный кабинет ждал их, уединенный, убранный в японском стиле, очаровательный приют любви и наслаждения.

VII.

На другое утро Токири проснулся гораздо позже обыкновенного — около десяти часов. Он спал душно, ему снились тревожные сны. На столике у кровати, освещенном красным свечом, починка, который он забыл погасить с вечера, стоял портрет О-Никки-Сант, повернутый лицом к стене. Он взял этот портрет и долго смотрел на него.

Да, это была она, улыбающаяся, любящая, влюбленная. Такого он видел ее сейчас, в смутном тяжелом сне перед разветом. Она пришла к нему из своего зеленого мимоз, пришла из глубокой тишины без образов и звуков, населенной ужасами и тайнами. Ее уста улыбались с нежностью, но глаза несли браслет на руке жениха, и до сих пор, после пробуждения, он чувствует жгучую краску стыда, проступившую под этим безмятежным укоряющим взглядом, и снова ощущает невольный трепет при звуках таинственного голоса, прозвучавшего ему из мрака, желтого неумолимого голоса, напоенного его смещением и ужасом: «данный с любовью, этот талисман охраняет от горя и зла, но талисманов не существует»...

Токири поставил портрет на стол и пропел пальцами по глазам. Да, он был нежен. Вчерашняя бурная ночь, полная наслаждений, пронеслась, его душа была холодна, как пасмурный день после отпавшей грозы. Он вздохнул. Малоушино, почти без борьбы, он нарушил свое слово мужчины и самураю. Образ Риты мелькнул на мгновение перед ним, ее фигура, ее руки, которые так легко, санином, легко обвивались вокруг его шеи и ароматы ее нежных, обман-

В Черном море. В погоню за „Гебеном“. Отряд миноносцев.

чивых духов. Но этот образ, такой востаный, почти всемогущий вчера, сегодня был далеко от его души и не вызвал в нем ничего, ни волнения ни желания. Он был обманут — так мстила любовь тому, кто обманул сам.

Весь день Токири думал о своей невесте. Страшный сон преследовал его, давил своей тяжестью, мучил. Ему казалось, что он отравлен. К вечеру в нем созрело решение: он должен взять талисман обратно, и скорее, — сегодня, сейчас же. Он чувствовал, что, пока браслет не займет своего места на его руке, он не будет в состоянии ни думать, ни работать, ни даже владеть собою. А между тем его мысль и воля должны быть свободны: в его распоряжении оставалось немного времени, и планы Циндао еще не лежали в секретном ящике его стола. Токири Мийато уныл до пещеры любимой девушки, но измученный перед родиной он все же не будет.

В дом на Фридрихштрассе лейтенант молча прошел мимо погруженного в газету портю и поднялся в белых тапочках, не прибегая к лифту. Рита не ждала его сегодня, накануне он сказал ей, что занят, но это хорошо: чтобы меньше она подготовлена к предстоящему объяснению, тем лучше. Дверь отворилась легко, очевидно, ее забыли затворить на замок. В прихожей никого не было. Своей мимолетной поступью лейтенант прошел ряд темных комнат и остановился перед портюрой, из-за которой доносился дуэт мужского и женского голоса. Рита Ферлов разговаривала со своим мужем. Токири узнал хриплый голос инженера.

— Я так и думаю, что этим кончится, — говорил Ферлов.

этим шканитным анекдотом. Но теперь ему не до того. Он жаждо слушать, боясь пропустить хотя бы одно слово.

После обстрела береговых батарей у Архавы. Из Батума в Хопу. На первом плане — верхушка двойного минного аппарата.

— Разумеется, — продолжал Ферлов: — этот монументальный и раннее, что я был, в Циндао, и кое-что вынес оттуда. Надо ему отдать справедливость — он очень осторожен. Другой на его месте прямо обратился бы к тебе за содействием.

— Я уверена, что он еще это делает.

— А я сомневаюсь. Мне кажется, что он начнет с меня. Окопанные мужья всегда бывают доверчивы с теми, кто наставляет им рога, но на этот раз желтая обезьяна ошиблась. Планы Циндао всегда со мной, в моем бумажнике, с которым я не расстаюсь даже ночью. Ему будет трудно нырнуть из отсюда, а нам надо позаботиться о том, чтобы господин Токири не ушел из наших рук. Было бы хорошо, если бы ты предложила ему помощь. Если он согласится, возьми у него перечень тех бумаг, которые его интересуют, разумеется, написанный по-японски.

— А если не согласится?

— Все равно, так или иначе я его пойму. Ты — молодец, Рита: и тобой доволен. Ну, поди, поцелуй меня, моя маленькая союзница.

Звук поцелуя. Пауза, потом мелодичный голосок Риты звенит с интонациями ребенка, которого похвалили, и который просит награды:

В Черном море. Обстрел угольных станций у Зунгулдана.

— Так помни же, Генрих, — ты обещаешь, что я буду прията при дворе. Непременно. Я трудилась не даром. Подумай сам, какой эффект произведешь среди этих жеманых сухопарых дам Риты в вечернем туалете с открытой шеей...

— И с этим драгоценным браслетом вдобавок...

— Да, это хорошенькая вещица. Но все-таки ты должна переманить и другое свое обаяние — относительно колбы, которое мы видели. Помнишь? Мне кажется, я его заслужила...

Они поцеловались. Ферлов встает, с шумом отодвигая свое кресло.

— Ты уже уходишь?

— Да, мне пора. Будь любезной и нежной со своим поклонником. Но только... — Голос его звучит равнодушием. — Я падаю. Рита, что ты не позвонишь себе ничего лишнего. Не забывай, что ты моя жена, которую я очень люблю.

Генрих... Неужели я заслуживаю, чтобы мне напоминали об этом? Я забочусь о тебе и твоих интересах, но моя честь...

Ее честь! Лейтенант беззвучно смеется в своей засаде. Шаги по ковру; Токири замрачает, укрывшись за портьерон. Он не опасается быть замеченным: в комнате темно, а Ферлов спит и, навстречу, пройдет, не оглядываясь. Он бонсе, что не выдержит и бросится на инженера сзади. Нет, этого нельзя еще слишком рано...

Ферлов появляется в дверях и быстро исчезает в других. Моменты тишины, потом за портьерой звучат другие удаляющиеся шаги: Рита уходит в свой будуар.

Лейтенант остается один. Рядом окно огорожено, видна поточная труба. Комната в белых стенах; внизу сад, выходящий в переулок. Токири воображает все в одно мгновение, быстрое, как мысль. Проходит еще минута — в комнате уже нет никого.

VIII.

Генрих Ферлов откинулся на подушку автомобиля:

— Потеем, дворец. Живее!

Автомобиль полетел, как стрела. Сидя на мягком диване, Ферлов с довольным видом курит свою сигару. Его план, задуманный хорошо и доведенный до совершенства, вырабатывался за эти два дня после разговора с Ритой. Он нарочно не поднимал тревоги раньше времени: тем эффективнее выйдет финал. Сейчас, у военного министра, он мог бы сделать несколько многозначительных намеков на интереснейшие события, которые должны разыграться в ближайшем будущем: предостичь как раз обсуждение секретных донесений о возможности конфликта с Японией. Но нет, лучше воздержаться до поры до времени и от этого. Пусть пойма Токири будет сюрпризом даже для императора: его величество любит театральные эффекты и навстречу будет очень доволен.

Как однако пахнут эти цветы... У Риты смущающая привычка обращать автомобиль в какой-то цыганский. От этого запаха положительно кружится голова, как будто он выпил лишнее.

Да, это великолепно. Еще на пароходе японцы показались ему подозрительным. Было бы очень глупо, если бы он поддавался

В Черном море. Фелюга со съестными припасами „подгребают“ к нашему миноносцу.

Провести, как глупого мальчишку, японского офицера, командированного Токийским министерством, это не так-то легко. Конечно, много значить также иметь такого неофициального помощника, как Рита. Француженка. Рита — француженка: это она выдумала сама, своим женским умом — и как удачно выдумала, плутовка.

Нет, надо распорядиться, чтобы убрал эти цветы. Это становится несносным: в экипаже можно буквально задохнуться. И какой странный запах — приторный, фадий, противный. Можно бы выбросить их сейчас, если бы не лень пошевеливаться. Какая глупость! Стоять только протянуть руку...

Что это? Он не может сдвинуться. Все члены точно палились свинцом, в ушах шумит, колеблющийся туман застилает глаза. Отяжелевшая голова склоняется на грудь. Цыганский рой видений обступает его со всех сторон: точно во сне, он видит мелькающие образы, какие-то странные лица кивают ему, наклоняются близко, заглядывают в глаза, смеются и исчезают среди проплывающих облаков и дрожащих световых пятен всех цветов радуги. Цыганская симфония таинственных звуков оглушает его: как будто над хором кувшинок выдвигаются мелодические звуки цитры, пьес, доносящиеся издали, мимолетный лукавый смех, сквозь который глухо прорываются его стоны. Он не понимает, что с ним. Отчаянием усиливает волн, уже засыпая, он заставляет себя поднять голову, и среди роя призраков видит в тумане заглядывающее из оконца автомобиля лицо и глаза, сверкающие, как угли.

Он узнает эти глаза. Помогите! Спасите!

Ни звука не вылетает из его груди. Ужас гаснет в нем так же мгновенно, как зародился, уступая место тупому мертвому безразличию. И, обращаясь в тяжелую неподвижную массу, скованную сном, он не слышит, как открывается дверца остановившегося автомобиля.

IX.

Рита поспешно поправила перед зеркалом смуглую прическу, — она лежала на диване с напиромой, — смочила губы, подобродок и кончики пальцев и вприснула в гостиную. Цыганский лейтенант Токири прохаживался взад и вперед, ожидая ее появления.

— Мой дорогой! Ты хорошо выбрал время: „мой супруг“, как ты выражаешься, уехал в Потеем, на совещание к военному министру. Ты доволен, правда?

Токири улыбался, потирая руки.

— Разумеется, хотя у меня тоже мало времени, и я не долго задержу вас. Я прибыл к вам с маленькой просьбой: верните мне браслет.

Рита нахмурилась и слегка покраснела. Она ни на минуту не подумала о том, что ее возлюбленный мог узнать что-либо: она почувствовала только обиду женщины.

— Что это значит? Вы разлюбили меня, да? Я не знаю ваших японских обычаев, но у нас, на Западе, подарки не отнимают даже при разрыве с любимой женщиной. Я надеюсь, вы могли бы сказать мне это прямо.

Она говорила то, что думала. Трудно было бы указать на более „прямое“ с его стороны, но такая логика женщины: она не признает посылок с намеками и хочет иметь дело только с выводами.

— Мне очень жаль, но все же я попрошу вас сдать его.

— Милый! Ты меня больше не любишь.

В Черном море. Потопление большого двухмачтового парусного брига.

новым оскорблением. Красные пятна выступили на ее щеках, она больше не могла владеть собою.

Если вы думаете, что я очень огорчена этим, милостивый государь, то сильно ошибаетесь. Как умный человек, вы понимаете, почему, что такой любовник едва ли может рассчитывать на особенно прочную привязанность женщины — европейской женщины, конечно. Вы возбуждали во мне любопытство, теперь удовлетворенное, вот и все. Ваша невеста в Токио, быть-может, покончила бы с собой посредством хакари из-за вашей измены, — а этого, к сожалению, не сделаю.

Токири встал. Его глаза были опущены, он казался спокойным. Легкое дрожание мускулов, почти незаметное — ничего больше. Он даже не возвысил голоса.

— Я только хотел предупредить вас, сударыня: этот талисман охраняет тех, кому дан с любовью, но пафланков он убивает.

— Тем лучше. Вы изменили мне, а я не хочу, чтобы талисман убил вас — подумайте, ведь тогда ваша невеста должна будет вскрыть себя живую.

Она пошла к дверям, давая понять, что разговор кончен. Японцы не двинулись. Обернувшись в дверях, Рита бросила ему на прощанье:

— Неужели ты настолько глуп, и не понимаешь, что подаренных драгоценностей не отнимают...

В два прыжка Токири очутился под ее пень. Внезапно замолчала, она откинулась назад, в ужасе: на нее в упор смотрели страшные сверкающие глаза.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „НИВЫ“.

Въ виду запросовъ гг. подписчиковъ о времени разсылки бесплатнаго приложенія къ „Нивѣ“ 1916 года — двухъ новыхъ картъ военныхъ дѣйствій: 1. Западно-европейскаго фронта и 2. Западнаго русскаго фронта, считаемъ необходимымъ заявить, что нами приложены всѣ усилія къ ускоренію ихъ печатанія. Но затрудненія при приобритеніи потребнаго для этихъ картъ большаго количества бумаги и необходимость исключительно тщательнаго печатанія значительнымъ числомъ красокъ огромнаго количества акземплировъ задержали разсылку этихъ картъ, предполагавшуюся нами въ январѣ.

Въ настоящае время всѣ эти затрудненія устранены, и печатающіяся нынѣ безъ задержки карты будутъ разосланы: первая не позже конца февраля, а вторая не позже первыхъ чиселъ апрѣля сего года.

Считаемъ нужнымъ довести до свѣдѣнія гг. новыхъ подписчиковъ „Нивы“, выписавшихъ также и первую серію сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка, приложенъ при „Нивѣ“ 1915 г., что все количество перваго изданія сочиненій этого автора уже разошлось, и мы скорѣе приступимъ къ новому ихъ печатанію. И здѣсь намъ приходится считаться съ препятствіями, возникшими изъ-за переживаемаго бумажнаго кризиса, въ виду которыхъ печатаніе первыхъ 18 книгъ соч. Д. Н. Мамина-Сибиряка пойдетъ замедленнымъ темпомъ.

О времени выхода этихъ сочиненій въ свѣтъ будетъ нами объявлено.

В Черном море. Стрѣльба по турецкимъ складамъ въ Зегли. У орудія на миноносцѣ.

В Черном море. На миноносцѣ у орудія.

Да, преступник успел скрыться. На палубе норвежского парохода направляющегося в Равмо, лейтенант Токири Мийято стоит, задумчиво глядя на исчезающий в туман маяк Гамбурга. Он, сбывая свое дѣло и возвращается домой к невестѣ, которая поймет его потому что она мудра, как всякая японская дѣвушка, и простит, вѣроятно, что любит. В карманѣ лейтенанта покоится желанный бумажникъ съ планом, и на рукѣ его блеститъ браслетъ О-Никки-Санъ, снова занявший свое мѣсто, талисманъ, одаренный таинственной силой, оберегающий тѣхъ, кому данъ съ любовью, оазисъ жизни и коварства, и безопасно карающий измѣнниковъ.

И Токири Мийято задумчиво смотритъ на этотъ драгоценный талисманъ, съ которымъ уже не расстанется никогда.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.
Опасенія англичанъ.

Въ то время, когда стало уже вполне ясно, что англійскій флотъ достигъ необходимаго превосходства на морѣ, и что въ связи съ этимъ обезпечены находящаяся въ различныхъ частяхъ свѣта владѣнія Великобританіи, совершенно неожиданно англійскому правительству въ палатѣ общинъ, былъ заданъ вопросъ: „Можетъ ли адмиралтейство гарантировать, что англійскій флотъ считается съ возможнымъ усиленіемъ германскаго флота, какъ численностью судовъ, такъ и качествомъ орудій, за время его бездѣйствія?“ Такимъ образомъ у англичанъ возникъ вопросъ о томъ, не усиливаетъ ли Германія тихоокеанскую свою флотъ настолько, что это можетъ угрожать господству англичанъ на моряхъ, а вѣдѣть съ тѣмъ и неприкосновенности многообразныхъ и многочисленныхъ владѣній Англіи.

Дѣйствительно, обѣ стороны въ теченіе войны ни на минуту не прекращаютъ своей судостроительной дѣятельности, почему такой вопросъ, не можетъ онъ догнать Германія Англію въ теченіе настоящей войны числомъ судовъ, вообще допустить. Такая перспектива могла бы грозить всему существованію англійской монархіи, и, сколь ни мало вѣроятно подобное усиленіе гер-

Городъ Гродна. Старинная церковь Каложа, поставленная въ X вѣкѣ. Фото В. Роначевой.

манскаго флота, тѣмъ не менѣе важность вопроса требуетъ особенно внимательнаго къ нему отношенія.

Нельзя забывать, что немцы за послѣднія десятилѣтія развили крайне энергичную судостроительную дѣятельность, и что незадолго до войны англичане не могли уже осуществлять то правило, которому они слѣдовали, а именно быть сильнѣе двухъ морскихъ державъ, самыхъ сильныхъ на морѣ послѣ нихъ.

Поэтому тревога англійскаго общества была не совершенно безпричинна, и опасенія, что немцы могутъ построить за время войны много судовъ и добиться превосходства на морѣ, о которомъ они такъ мечтаютъ, не могли не возникнуть у англичанъ.

Кромѣ того, англичанъ, какъ видно изъ вопроса, заданнаго правительству въ палатѣ общинъ, беззастѣсливо также возможность появленія у немцевъ на судахъ болѣе мощныхъ орудій, чѣмъ у англичанъ. Немцы, выстроившіе 42-сантиметровую морскую артиллерию, почему-то весьма замѣчательными творцами въ области техники, хотя болѣе крупныя, какъ 42-сантиметровыя, абсолютно не доказываютъ техническихъ способностей немцевъ. Такія, напримеръ, 42-сантиметровыя мортиры были еще въ 90-хъ годахъ у итальянцевъ, а въ другихъ странахъ были 14-дюймовыя пушки, т.е. 35-миллиметровыя, но эти пушки были много хуже современныхъ орудій меньшаго калибра, напримеръ, 10-дюймовыхъ.

Вообще разрушительность пушки далеко не зависитъ отъ калибра, ибо калибръ обозначаетъ только толщину снаряда, между тѣмъ какъ сила удара зависитъ отъ массы, помноженной на скорость. Масса же можетъ увеличиваться, если снарядъ будетъ длиннѣе, а если при этомъ увеличить скорость, то сила удара возрастетъ на очень много. Этимъ и объясняется, что орудія меньшаго калибра, т.е. снаряды менѣе толстые, но зато болѣе длинные и съ болѣе высокой скоростью полета, ударяютъ сильнѣе. Наконецъ, если снарядъ такой снарядъ съ пыльнымъ взрывчатымъ веществомъ, то это еще болѣе увеличиваетъ разрушительность снаряда, хотя и меньшаго калибра.

Однако эти общія соображенія мало вѣдѣтны широкимъ кругамъ публики, почему считается, что, тѣмъ болѣе калибръ орудія, тѣмъ оно лучше, и въ связи съ этимъ, многіе склонны думать, что немцы имѣютъ самыя лучшія орудія.

Такимъ образомъ, опасенія англичанъ, безпричинныхъ за свое господство на морѣ и за связанную съ этимъ неприкосновен-

Городъ Гродна. Старинная церковь Каложа. Внутренній видъ. Фото В. Роначевой.

ности своихъ владѣній въ различныхъ частяхъ свѣта, сводилась къ двумъ предположеніямъ: во-первыхъ, не строить ли немцы такое большое число судовъ, что во время войны могутъ догнать англичанъ, а во-вторыхъ, не строить ли они такія большія пушки, которыя будутъ тѣмъ же англійскими, и которыя будутъ топить англійскіе dreadnoughtы, что тоже можетъ повлечь потерю англичанами превосходства на морѣ.

На этотъ тревожный вопросъ Батлфуръ отвѣтилъ, что англійскіе адмиралы дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, и что болѣе увеличить масштабы работъ нельзя. Что же касается работъ инженеровъ, то, какъ заявляетъ Батлфуръ, всякаго рода предположенія о томъ, что немцы строятъ много большихъ судовъ, относятся лишь къ области догадокъ. Такой обычно неясный отвѣтъ, какой обыкновенно даютъ представители правительства въ палатѣхъ на парламентскіе запросы, не содержитъ въ себѣ ни отрицанія ни утвержденія, почему оставляется широкое поле для всякихъ предположеній. Однако сами немцы, въ лицѣ своего извѣстнаго морского обозрѣвателя капитана Персиуса недавно весьма откровенно признались, что морское могущество Англіи, теперь уже несомнѣнный фактъ, при чемъ доказали это цифрами.

Англійскій флотъ въ началѣ войны насчитывалъ 59 линейныхъ кораблей, 43 броненосныхъ крейсера, 58 легкихъ крейсеровъ, 386 миноносцевъ и 77 подводныхъ лодокъ. Въ то же время у англичанъ находилось въ построекѣ 16 новыхъ линейныхъ кораблей, 21 легкий крейсеръ и 28 подводныхъ лодокъ. При этомъ англичане, хотя и понесли потери въ судахъ въ теченіе войны,

Старинная крѣпость въ Луцкѣ (Волинской губ.).

Мыза близъ озера Свентень. Единственная церковь, сохранившаяся въ цѣлости подѣ градомъ неприятельскихъ снарядовъ.

но потеряли исключительно старыя суда, непригодныя для морского боя между флотами. Изъ dreadnoughtовъ же и крейсеровъ-дредноутовъ англичане не потеряли ни одного, что очень важно, такъ какъ основная сила флота опредѣляется лишь dreadnoughtами. Какъ извѣстно, современные dreadnoughtы представляютъ собою такое могущественное военное судно, что могутъ огнемъ своихъ орудій разбить прежніе броненосцы, какъ фарфоровыя чашки, при чемъ сами остаются почти неуязвимыми, благодаря своей сильной бронѣ.

Если число этихъ основныхъ единицъ — dreadnoughtовъ и крейсеровъ-дредноутовъ у англичанъ не уменьшилось, а лишь увеличилось на число 16 строящихся dreadnoughtовъ, которые, вѣроятно, уже частью закончены, а частью закладываются, — то у немцевъ положеніе много

хуже. Они потеряли 3 dreadnoughtа, изъ которыхъ крейсеръ-дредноутъ „Ванхеръ“ потонулъ. „Молыке“ былъ подорванъ въ Балтійскомъ морѣ англійской подводной лодкой, а „Фонъ-деръ-Танъ“ столкнулся съ другимъ германскимъ судномъ и пришелъ въ негодность. Взаимъ этихъ трехъ потерянныхъ крейсеровъ, изъ которыхъ два, пока живы, могутъ быть еще исправлены, но въ значительной степени потеряютъ свои боевыя свойства, немцы строятъ въ началѣ войны нѣтъ.

Такимъ образомъ, у немцевъ флотъ на предѣлѣ войны могъ возрасти на 4 dreadnoughtа, тогда какъ у англичанъ на 16 линейныхъ кораблей. Къ этому надо прибавить, что еще въ началѣ войны англичане превосходили немцевъ числомъ dreadnoughtовъ безъ маловажнаго. Все это не даетъ достаточныхъ оснований предполагать, чтобы немцы могли догнать англичанъ въ числѣ основныхъ единицъ флота — dreadnoughtовъ.

Мы не разбираемъ соотношенія про чина судовъ — недредноутовъ крейсеровъ, старыхъ броненосцевъ и др., такъ какъ эти суда значенія въ морскомъ бою, гдѣ рѣшается вопросъ о господствѣ на морѣ, не имѣютъ. Впрочемъ, можно упомянуть, что потери немцевъ и въ этихъ судахъ

Разрушенія желѣзнодорожнаго пути близъ Вильны.

очень велики. И, например, с начала войны немцы потеряли одиннадцать тысяч человек.

В связи с этим возникает еще другой вопрос, а именно, не затопили ли немцы с начала войны, кроме строившихся тогда судов, еще ряд новых судов, и не могут ли они, благодаря именно такой мере, догнать англичан. Для выпененки космических судостроительных средств Англичан и Германия. В одном из номеров "Русского Инвалида" за 1915 год г. В. Э. отмечает, что у англичан имеются два класовых судостроительных верфи, в Портсмуте и Девенпорте. Для постройки dreadnoughtов, а остальные заводы преимущественно частные.

Эти заводы имеют в общем 156 эллингов и из них 25 для постройки dreadnoughtов. Главнейшие из этих заводов — Армстронга на 19 эллингов, из них 7 для постройки dreadnoughtов. Викерса на 24 эллинга, из них 3 для постройки dreadnoughtов. Джона Брауна на 2 эллинга для постройки dreadnoughtов, Биддера и К на 3 эллинга для постройки dreadnoughtов, Гарланд на 2 эллинга для постройки dreadnoughtов и др.

На всех этих заводах работает 200,000 рабочих.

У немцев имеется класовая верфь в Вильгельмсхафене, с 2 эллингами, из которых 1 для постройки dreadnoughtов, затем в Киле, где 1 эллинг для постройки dreadnoughtов, и в Данциге, где строится матов суд. Частных же заводов имеется 7.

Вот Германия имеет в своем распоряжении 74 эллинга, тогда как Англичане 156. Из них у немцев 15 эллингов для постройки dreadnoughtов, а у англичан 25. Работают у немцев на этих заводах 72,000, и у англичан — 200,000.

Из этого можно видеть, что судостроительными средствами англичане превосходят немцев. Если бы немцы действительно начали в первые дни войны строить большое число судов, то англичане бы их давно догнали и перегнали, так как Вильгельмсхафен, что средства английских судостроительных заводов напряжены до максимума, а при таком напряжении англичане всегда будут впереди немцев.

Что же касается другого вопроса — об орудиях, то до настоящего времени наибольшим преимуществом на судах флота считается 15-дюймовый. Орудия калибром в 15 дюймов имеют снаряд весом около 45 пудов. Такого рода орудия, как известно, установлены на новейших английских dreadnoughtах и предполагалось также установить на немецких новых dreadnoughtах типа "Эрзац".

В настоящее время в официальной печати были сведения о том, что немцы на заводе Крупна выдвигают морские орудия еще большего калибра, а именно 16-дюймовые, где снаряд весит около 56 пудов. Этими орудиями немцы могут в лучшем случае вооружить лишь новые суда, но старых перевооружить не могут. Если бы они захотели перевооружить старые суда и вместо 12-дюймовых пушек поставить 15-дюймовые, то им пришлось бы вместо прежних 10 пушек на каждом корабле ставить лишь по 4 новые пушки. Кроме этого, такое перевооружение связано с переустройством

Член Государственного Совета гофмейстер Борис Владимирович Штурмер, Высочайше назначенный председателем Совета Министров. По фот. Штейнберга.

Сенатор Власий Тимофеевич Судейкин, назначенный начальником Главного Управления по делам печати. По фот. Штейнберга.

всех сложных орудийных башен, и потому маловероятно.

Все эти данные позволяют с большой полнотой ответить на вопрос, имевший значение не только для англичан, но и для всех союзников, а именно на вопрос — не могут ли немцы догнать числом кораблей и качеством орудий англичан — отрицательно: ни числом судов, ни качеством орудий немцы догнать англичан не могут, ибо судостроительные средства англичан богаче, а в орудийной технике немцы, хотя и выстроили 16-дюймовые мортиры, несколько не стоят ныне союзников. 16-дюймовую мортиру может выстроить завод любой страны, но мортира эта стреляет всего только на 14 вергов, тогда как новейшие орудия меньшего калибра, например, 14-дюймовые, стреляют на 20 вергов.

Высочайший рескрипт,

данный на имя статс-секретаря Его Императорского Величества д. т. с. И. Л. Горемыкина.

Ивану Ингениевичу.

Буде в бытность вашу министром внутренних дел Я близко узнал и оценил вашу обширную опытность в области правительственной деятельности и в особенности крестьянского землеустройства, а равно неизменное стремление наше ко благу страны. Вследствие этого в 1906 году, пред открытием действия Государственной Думы, и вторично в 1914 году вы были мною призваны стать во главе высшего управления Империи, в качестве председателя Совета Министров. При исполнении соединенных с означенной должностью важных и ответственных обязанностей, вы не щадили сил, чтобы оправдать мое доверие своим самоотверженным и неослабным трудом.

Нынче ослабление здоровья от продолжительных многосложных занятий вынуждает вас временно оставить от должности председателя Совета Министров.

С грустью расстаюсь с лицом, в котором с одним из самых талантливых, всецело преданных долгу Моих сотрудников, Я, в наставление Моим сердечной признательности за оказанные заслуги, показываю вас в действительные тайные советники первого класа.

Пробываю к вам навсегда благосклонным.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано:

«Искренне благодарный и уважительный»

НИКОЛАЙ.

В Царском Селе. 20-го января 1916 г.

Именной Высочайший указ

Правительствующему Сенату.

Члену Государственного Совета Двора Нашего гофмейстеру Штурмеру — Всемильшнейшее повелеваем быть председателем Совета Министров, с оставлением членом Государственного Совета и гофмейстером.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

В Царском Селе. 20-го января 1916 г.

Содержание. ТЕКСТ: Б. Художник-провидец ("Шестые грозы" К. А. Стабровского). "Виноградный". Рассказ Владимира Войнова. Талантливый. Завоевание. Объявление. Отклики войны. Угроза с Востока (Политическое обозрение). Хронология войны. РИСУНКИ: Цикл картин "Шестые грозы" К. А. Стабровского (1 карт.). — В Черном море (и рис.) — Старинная церковь Каложа в Гродно (2 этюда В. Рокачской). — Старинная крепость в Луцке. — Мыза близ озера Свентень. Разрушения железнодорожного пути близ Вильны. — Член Г. С. Совета гофмейстер Б. В. Штурмер, Высочайше назначенный председателем Совета Министров. — Сенатор В. Т. Судейкин, назначенный начальником Главного Управления по делам печати.

К этому № прилагается "Полного собрания сочинений Н. Г. Гарина" книга 2.

Редактор-издат. Л. Ф. Маркс.

Требуйте у всех газетчиков
сегодняшний номер
новой газеты

„НАРОДНОЕ СЛОВО“

Цѣна 2 коп.

Если вы подписались на газету с перес. без вложения 6 р., с прилож. 12-ти стѣнных карт фронтонѣ войны, из которых будут отпечатаны перепечатки лишь боев на основании официальных сообщений — 6 руб. Главная контора и редакция: Москва, Тверская, д. № 19.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете восстановить Ваши волосы в прежний натуральный цветъ, я могу выслать Вам удивительный препарат, который постепенно и незаметно для окружающих знакомых возвратит им натуральный цветъ. — Этот удивительный препарат одобрен сотнями лиц, которые им пользовались. Я с радостью вышлю Вам подробное описание предлагаемого средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денег, ни марок! Сообщите в открытом письме Вашу фамилию и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЫТОКО, МОСКВА. Отд. 1 С. А.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,

а только по нашему изданію „Гимназія на дому“, но подъ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ

ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:

Вольноопредѣляющагося I и II разряда, на класный чинъ, высш. начальн., сельск., народн. учителя, аптекарскаго ученика, цы, на 4 или 6 классовъ гимназій, на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже, благодаря изданію „Гимназія на дому“, достигнуть намѣченной цѣли.

Краткій проспектъ высылается бесплатно.

Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44-62.

УЧИТЕСЬ заочно НА РОЯЛѢ

Нов. сист. Лекко и удобн. 4 перв. 3р. с 1 нотами выс. ва 2 р. Петрогр., Цыной, М. Спаск., 6, уч. муз. К. Соминову.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ (ГОНОРРЕИ)
новѣйшее средство „SALO—ПИЧИЛИНЪ“
дѣйствуетъ быстро и считается рациональнѣе средствъ Насловени при кораблѣ. Настоящ. только из метал. кораблѣ по 1 р. и по 1 р. 60 к. Одинаково хорошо дѣйствуетъ въ острыхъ и хроническихъ случаяхъ и въ короткое время устраняетъ самыя упорныя истечения. ДЕПО: Петербургъ, Развѣдочн. ул., 7 аптека Б. Конейкина. Продастъ во всѣхъ аптекахъ по рецепту врачей.

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ. Изд. 1915 г. Подлинный класный образецъ. Цѣна руководства съ перес. 10 коп. плат. 50 к. Адресъ: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Угроза съ Востока.

(Политическое обозрѣніе).

Огонь, какъ и вода, стремится захватить какъ можно большее пространство. Вся центральная Европа уже полтора года обита пламенемъ войны. Только самые небольшие уголки европейской территоріи — Голландія, Испанія, Португалія, Швеція, Норвегія, Швейцарія и Румынія, — еще сохраняютъ свои нейтралитетъ, да и то цѣною героическихъ усилий и отказа отъ самыхъ основныхъ национальныхъ правъ и требованій. Чемъ дольше длится война, тѣмъ труднѣе сохранять нейтралитетъ. Греція считается нейтральной, но ея территорія занята воюющими, ея границы окружены непріятельскими арміями и города бомбардируются австро-болгарскими аэропланами. Въ нейтральной Швейцаріи происходятъ германофобскія демонстраціи, разгоняемые войсками съ примѣненіемъ оружія. Въ Румынію народъ и общество явно сочувствуютъ намъ, а правительство тайно содѣйствуетъ немцамъ, и только угроза болгарскаго нашествія на Добруджу можетъ заставить румынъ выступить активно не на немецкой, а на нашей сторонѣ. Шведское правительство громко говоритъ о поддержаніи нейтралитета и въ то же время всѣми силами дѣлаетъ этотъ нейтралитетъ возможно болѣе благоприятнымъ для Германіи и враждебнымъ для насъ. Ея политика скользятъ по наклонной плоскости, и лишь мощное проявленіе русской военной силы на сѣверо-западномъ фронтѣ можетъ предотвратить болѣе активное выступленіе шведскихъ дипломатовъ къ веснѣ. При малѣйшемъ сѣверномъ шагѣ пожара войны захватитъ новыя страны и неутрачено распространится по всей Европѣ. Обостреніе отношеній между Америкой и Германіей и рѣчь президента Вильсона о необходимости военной подготовки на случай столкновенія съ могущественной державой, угрожающей основнымъ принципамъ великой заатлантической республики, намечаетъ на близкую возможность включенія въ число воюющихъ новыхъ участниковъ. Такъ, какъ Канада и Австралія и безъ того воюють съ немцами подъ английскимъ флагомъ, а окраины Азіи и Африки непосредственно охвачены войною колоніальныхъ армій, то съ наступленіемъ Америки война сдѣлается дѣйствительно всемірной, раскинется по всѣмъ пяти частямъ свѣта. Заключеніемъ Вильсономъ и Энверомъ-пашой попытка завоеванія Египта, угрожающая мировой торговлѣ Америкѣ, гдѣ онъ усилится успѣхомъ, но зато она пробудитъ чувство

расовой солидарности между англичанами и американцами и дастъ толчокъ къ совместной англо-американской защитѣ расовыхъ интересовъ на путяхъ мировой торговли.

До сихъ поръ въ сторонѣ отъ мирового кровопролитія остаются только самая пѣдра Азіи въ лицѣ Китая, но дѣятельная германская дипломатія разчитываетъ и китайцевъ вовлечь въ кровавую кутерьму. При посредствѣ германскихъ военныхъ агентовъ провозглашенный китайскимъ императоромъ президентъ Юаншанькай работаетъ проектъ военныхъ реформъ, долженствующихъ съ введеніемъ всеобщей повинности создать колоссальнѣйшую армію въ 45 милліоновъ солдатъ и воиновъ. Кто знаетъ, какіе грандіозные замыслы зрѣютъ въ умѣ китайскаго Наполеона, но пока осуществленіе ихъ ему не совсѣмъ удастся. Провозглашеніе имперіи, за отторчку котораго высказывались въ Пекинѣ представители всѣхъ державъ согласія, вызвало одновременное возстаніе и на республиканской Югѣ и на приверженномъ къ свергнутой манджурской династіи Сѣверѣ. Быть-можетъ, у гениальнаго диктатора хватитъ въ концѣ концовъ силъ усмирить и сѣверянъ и южанъ. Однако первыя столкновенія окончились далеко не въ его пользу. Армія, высланная имъ противъ южныхъ повстанцевъ, перешла на ихъ сторону. Къ нимъ присоединилась соседняя провинція, и антиимпериалистическое движеніе быстро разрастается въ организованную революцію. Въ то же время сѣверные враги Юаншанькай пробиваются уже сквозь Великую Стѣну и двумя арміями, численностью около 40 тысячъ, двинулись по направленію къ Пекину. Политическія стремленія южанъ и сѣверянъ прямо противоположны, но все же они идутъ къ одной общей цѣли — къ сверженію Юаншанькай, объединенію однимъ общимъ чувствомъ — ненавистью къ диктатору и въ этомъ смѣшатъ взаимно помогаютъ другъ другу. Торжество непріятельско-враждебныхъ между собою союзниковъ не принесетъ съ собою для Китая ничего обновляющаго, ничего творческаго и созидательнаго, пожалуй, послужитъ даже истощеніемъ новыхъ кровавыхъ междоусобій въ будущемъ, но во всякомъ случаѣ упроченіе на китайскомъ тронѣ энергичнаго, полнаго воинственныхъ замысловъ, генерала, мечтающаго командовать 45-милліонной арміей, не въ интересахъ Европы и Россіи. Революціонная смута въ Китаѣ надолго задерживаетъ осуществленіе гордыхъ замысловъ желатаго Наполеона, подрываютъ его мощь и разбиваютъ грозныя гуды, надвигающіяся съ Востока на обезнеченную небывало тяжелой войной Европу.

самый ПОДАРОКЪ в заятіи!!!
лучшіе ПОДАРОКЪ в заятіи!!!

новѣйш. мет. прост. (плоское) молотокъ, глубокой и пластич. выжиганіе по дереву, кожѣ, папѣ и т. п. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. и упаковкой 1 р. 70 к. Полуц. массу бѣготари, со всѣхъ конд. Россіи. Выписывать отъ автора: ПЕТРОГРАДЪ, Лубенская ул., д. 8, кв. 50.

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Н. ЧУКОВСКИЙ.

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШІЕ!

Томми Аткинсъ на войнѣ.

Съ 90 иллюстраціями. Содержание. Отъ автора. Солдатскія письма. Русскія письма и англійскія. На встрѣчу врагу. Дѣти и женщины. Англійскіе солдаты о врагѣ. Набѣгъ на Гельголандскую бухту. Битва подъ Монсомъ Юмористы. Спортсмены. Мы. Человѣкъ въ благоволеніи. Событія послѣднихъ временъ. Два письма. Гимны Ненависти и Гимны Любви. Какъ въ Англіи вербуютъ добровольцевъ. Сиарядовъ! Сиарядовъ! Великое въ маломъ. 160 стр.

Учен. Ком. Мнѣ. Нар. Пр. признавъ заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, равно какъ бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, а также подлежащей допущенію въ учебныя библиотѣки, выслать начальнымъ училищамъ.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

K K B A

Reports received on July 1951

